

Анатолий Шигапов

Черный Янтарь

Анатолий Шигапов

Черный Янтарь

<https://litres.ru/74093851>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Янтарь - это не просто камень. Это застывшая кровь информационной войны». Нейросетевой архитектор Алиса Штерн приезжает в Калининград на похороны деда, чтобы распутать клубок семейных тайн. Но вместо ответов она находит лишь обрывки странных записей, черный янтарь с пульсирующей искрой внутри и надпись на древнем языке: «Ты - ключ».

Алиса узнает, что балтийский янтарь хранит не только доисторических насекомых, но и память о разуме, который существовал на Земле миллионы лет назад. Корпорация «Балтийский ИИ», возглавляемая безумным технократом Гофманом, уже десятилетия охотится за этим знанием. Их цель - Янтарная комната, которая на самом деле ..

Пока городской лабиринт Кёнигсберга, скрытый под современными кварталами, оживает и начинает шептать о древних Предтечах, у Алисы остается лишь один путь — принять свое наследие и стать новой Стражей, способной остановить квантовый шторм над Балтикой. Но сможет ли она пожертвовать собой, чтобы спасти мир?

Анатолий Шигапов

Черный Янтарь

Предисловие

Возможно, вы держите в руках эту книгу, потому что вас привлекло слово «янтарь». Солнечный камень, о котором сложены легенды. Слезы царевны Юрате, дар богов, хранитель времени. Я тоже когда-то думал о нем так - как о красивой безделице, застывшей в брошке моей бабушки. Но однажды, гуляя по пляжу в Янтарном, я поднял с земли крошечный кусочек смолы, и он был теплым. Теплее, чем должен быть камень, пролежавший в ледяной воде.

В ту ночь мне приснился лес. Не тот, что мы знаем, а древний, мезозойский - исполинские папоротники, хвощи, густой воздух, от которого кружится голова. И в этом лесу, на ветвях деревьев, вместо почек пульсировала смола. Я чувствовал ее запах, ее вкус... и ее голос. Она говорила мне о времени, которое не течет рекой, а застывает, как янтарь. И о том, что прошлое не умирает - оно просто ждет, когда его прочитают. Это ощущение не отпускало меня много лет.

Так родился замысел «Черного янтара».

Я хотел написать не просто фантастический триллер. Мне хотелось исследовать границу, где наука встречается с мифом, а квантовая физика обретает плоть в древней смоле. Мы привыкли думать, что разум - это продукт белковой жиз-

ни. Но что, если первым разумом на Земле был лес? Что, если деревья не просто стояли миллионы лет, а мыслили - медленно, как и подобает существу, чья жизнь измеряется геологическими эпохами? И что, если их память сохранилась в смоле, превратившейся в янтарь? Это и есть главный вопрос книги: можем ли мы, люди, прочесть эту память - и не сойти с ума от того, что увидим?

Я много работал над технической стороной повествования, консультировался с физиками, изучал труды по квантовой механике и нейросетевым архитектурам. Но самое важное для меня было - сохранить человеческое тепло. Янтарь в этой книге - не просто макгаффин. Это метафора нашего прошлого, которое мы пытаемся забыть, но которое всегда остается с нами - застывшее, прозрачное, пульсирующее на грани восприятия.

Главная героиня, Алиса Штерн, родилась из этого противоречия. Она - дочь двух миров: холодного, расчетливого Кремниевой долины, где все сводится к алгоритмам, и мистического, древнего, где информация обретает плоть и душу. Ее путь - это путь ученого, который вынужден признать, что реальность больше его теорий. И путь человека, который учится доверять не только логике, но и чувству.

Отдельное место в книге занимает Калининград. Я бы сказал, что это второй главный герой. Город-палимпсест, где каждый камень дышит историей, где немецкая готика наложена на советскую архитектуру, а подземелья хранят тайны,

о которых не говорят в новостях. Кёнигсберг, стертый с лица земли в 1945 году, не исчез. Он остался под нашими ногами, в глине и песке, в фундаментах домов и в памяти тех, кто помнит его запах. Я попытался передать это ощущение - что мы ходим по костям старого мира, который не ушел, а просто уснул. И он может проснуться.

Читая эту книгу, помните: она не столько о янтаре, сколько о нас. О том, как мы пытаемся заглянуть в будущее, но не замечаем прошлого. О том, как боимся собственной природы. И о том, что иногда, чтобы спасти мир, достаточно просто полюбить его - целиком, со всеми его ошибками и тайнами.

Добро пожаловать в реальность, которая не едина. Добро пожаловать в смолу.

Анатолий Шигапов

Часть 1: Наследие

Глава 1: Зов с той стороны

Офис опенспейс «НейраЛабс» на сорок втором этаже башни Сан-Хосе гудел, как улей, в который плеснули кипятком. Утренний брифинг только что закончился, и три десятка разработчиков, дата-сайентистов и продакт-менеджеров разбрелись по своим рабочим местам, разнося по офису вибрацию напряжения - того особого, предрелизного, какое бывает, когда до сдачи проекта остаются считанные дни,

а критический баг всё ещё не найден. Алиса Штерн стояла у панорамного окна, глядя на залив Сан-Франциско, подёрнутый утренней дымкой, и мысленно перебирала строки кода, которые не сходились уже третьи сутки. Новая архитектура многослойного перцептрона, которую она проектировала для клиента из Сингапура - гигантского логистического холдинга, желавшего предсказывать сбои в цепочках поставок с точностью до часа, - требовала нестандартного подхода к инициализации весов. Стандартные методы - Xavier, He, ортогональная инициализация - не работали категорически: градиенты взрывались на пятом слое, нейроны умирали пачками, сетка деградировала в случайный шум.

Она повернулась к своему рабочему столу - трём мониторам, на которых горели графики функции потерь, кривые обучения, тепловые карты активаций. Картина была удручающей: на пятнадцатой эпохе валидационная ошибка переставала убывать, застревая на значении, которое делало модель бесполезной для бизнес-применения. Алиса запустила симуляцию в одиннадцатый раз - и в одиннадцатый раз получила тот же результат. Она потеряла переносицу, чувствуя, как накатывает знакомая пульсация в висках - предвестник мигрени, которая мучила её с детства. Врачи говорили: последствие родовой травмы. Мать говорила: наследственное, у бабушки было то же самое. Дед - она вдруг поймала себя на мысли, что не знает, что говорил дед. Он просто брал её за руку, когда у неё начинался приступ, и боль отступала. Как

он это делал, Алиса не понимала до сих пор.

Она откинулась в кресле и закрыла глаза. Перед внутренним взором поплыли строки кода, и где-то на периферии сознания мелькнула мысль - не о работе, а о том странном сне, который приснился ей сегодня под утро. Ей снился лес. Не обычный лес, а какой-то доисторический: гигантские папоротники, хвощи, плауны, воздух, густой от влаги и запаха гниющей органики. Она шла по этому лесу, и под ногами хлюпала болотная жижа, а над головой смыкались кроны деревьев, которых не существовало на Земле уже пятьдесят миллионов лет. Ветви сочились смолой - тягучей, золотистой, пахнущей скипидаром и чем-то ещё, неуловимо знакомым. Смола капала на землю, и там, куда она попадала, время замедлялось, а потом и вовсе останавливалось. Алиса чувствовала, что сон пытается ей что-то сообщить, но что именно - ускользало, растворялось в утреннем свете.

Она открыла глаза и снова уставилась в монитор. На этот раз она заметила то, чего не замечала раньше: паттерн ошибок на графике напоминал не случайный шум, а некую волновую структуру - словно кто-то наложил на данные интерференционную решётку. Алиса приблизила график и несколько секунд изучала его, потом открыла новый файл и быстро набросала несколько строк на Python, чтобы проверить догадку. Она применила к градиентам преобразование Фурье и обомлела: в частотной области отчётливо проступали пики на определённых длинах волн. Кто-то или

что-то создавало периодическую помеху в её нейросети. Это не было ошибкой кода. Это было внешнее воздействие.

- Алиса, - голос Маркуса вывел её из задумчивости. Она обернулась и увидела его, стоящего в дверях переговорной. В руке он держал конверт - самый настоящий бумажный конверт из плотной кремовой бумаги, какие не использовались в Кремниевой долине уже лет пятнадцать, а то и двадцать. - Это пришло на твоё имя. Из России. Курьер доставил десять минут назад.

Алиса взяла конверт, и от одного прикосновения к плотной бумаге с водяными знаками по её предплечьям пробежали мурашки - те самые, что бывают, когда слышишь далёкий раскат грома. На лицевой стороне значилось: «Алисе Штерн. Лично в руки. Срочно». Почерк был незнакомый - размашистый, с сильным наклоном вправо, - но что-то в форме заглавной буквы «А» заставило её сердце сжаться. Маркус хотел что-то добавить, но Алиса уже отходила в сторону переговорной, на ходу разрывая конверт. Внутри лежала телеграмма на двух языках - английском и русском. «Виктор Штерн скончался. Похороны 15 марта. Калининград, ул. Шиллера, 17». И ниже, тем же почерком, но уже явно от руки: «Он ждал тебя до последнего дня». Подписи не было. Только маленький рисунок в углу - стилизованная буква «К» в круге, перечёркнутая молнией.

Алиса опустила в кресло переговорной, чувствуя, как подкашиваются ноги. В висках стучало, перед глазамиплы-

ли круги. Дед. Виктор Штерн. Человек, которого она не видела пятнадцать лет - с тех пор, как ей исполнилось семнадцать, и она уехала в Стэнфорд. Человек, чьё имя её мать запретила произносить в доме после их последней ссоры - той самой, причины которой Алиса так никогда и не узнала, потому что мать умерла через год после её отъезда, унеся тайну в могилу. Человек, который однажды прислал ей на двенадцатилетие потрёпанную книгу по минералогии с засушенным цветком между страниц - книгу, которую Алиса хранила до сих пор, хотя никому в этом не признавалась. Она помнила, как расплакалась, получив посылку, - не потому, что подарок был скучным, а потому что это было единственное доказательство того, что дед ещё жив, ещё помнит о ней.

Она смотрела на телеграмму и пыталась вызвать в памяти его лицо - но вместо чёткого образа видела лишь смутные очертания: высокий силуэт в проёме двери, прокуренный голос, рассказывающий сказки, запах табака и почему-то морской соли. Ей было двенадцать, когда они виделись в последний раз. Дед приехал к ним в Сан-Хосе - тогда ещё только начинавшую свой путь Алису Штерн, подающую надежды студентку в компьютерной науке, - и они провели вместе три дня. Три дня, которые мать превратила в ад, потому что не могла находиться с отцом в одной комнате дольше получаса. Алиса не знала, что случилось между ними. Знала только, что после отъезда деда мать неделю не разговаривала ни с кем, а потом сказала: «Он опасен. Он разрушает всё, к чему

прикасается. Не смей больше с ним общаться». И Алиса - послушная дочь, боявшаяся потерять последнего родителя, - подчинилась.

Теперь ей тридцать два. Двадцать лет - достаточный срок, чтобы забыть, как звучит голос родного человека. Но вот она держит в руках телеграмму с его последним словом, и голос звучит в голове так ясно, словно дед стоит за плечом. «Он ждал тебя до последнего дня». Почему он не позвонил? Почему не написал раньше? Почему дал ей прожить эти годы в неведении, а теперь - когда его уже нет - бросил этот странный зов, эту пригоршню тайн, которые ей предстоит распутать в одиночку?

Она вернулась к своему столу, игнорируя вопросительные взгляды коллег. Открыла почтовый клиент - и замерла. Среди десятков рабочих писем, автоматических уведомлений и спама светилось непрочитанное сообщение, отправленное за час до того, как курьер принёс конверт. Адрес отправителя: vshtern@protonmail.encrypted. Тема: «Когда прочтёшь это, меня уже не будет». Алиса кликнула по нему - и вместо текста увидела единственный вложенный файл. Название: spectrogram_final.dat. Расширение было незнакомым, размер - почти полтора гигабайта. Алиса нахмурилась: она знала практически все форматы данных, используемые в геофизике и минералогии - за годы работы в «НейраЛабс» ей приходилось иметь дело с самыми экзотическими расширениями, от HDF5 до NetCDF, - но этот не опознавался ни

одной из её программ. Она запустила изолированную среду на нейрочипе - том самом экспериментальном процессоре, который «НейраЛабс» разрабатывал для глубинного обучения, - и попыталась открыть файл.

То, что произошло дальше, не поддавалось рациональному объяснению. Изолированная среда, отделённая от основной системы всеми мыслимыми протоколами безопасности - аппаратными, а не программными, - начала вести себя так, словно в неё влилась чужеродная жизнь. Процессор загружался на полную мощность, хотя никаких вычислений Алиса не запускала. Вентиляторы охлаждения взвыли, как турбины взлетающего лайнера. На мониторе возникла спектрограмма - трёхмерное изображение, напоминающее горный хребет, увиденный с высоты птичьего полёта, но при ближайшем рассмотрении оказавшееся не геологическим рельефом, а архитектурой нейронной сети. Только не искусственной. Естественной. Каждый «пик» на спектрограмме соответствовал узлу, каждый «склон» - синаптической связи. Алиса увеличила масштаб и замерла: на пятом уровне детализации структура файла в точности повторяла топологию многослойного перцептрона, который она безуспешно пыталась оптимизировать последние трое суток. Не просто повторяла - она была его идеальной, завершённой версией. Той самой, которую Алиса искала и не могла найти.

Она провела рукой по волосам, собираясь с мыслями. Это не могло быть совпадением. Дед прислал ей решение задачи,

о которой она ему не рассказывала - да и не могла рассказать, ведь они не общались двадцать лет. Как он узнал? Что это за файл? И откуда в нём такая детальная, такая совершенная структура? Алиса отключила ноутбук от сети, перевела чип в полностью автономный режим и запустила анализ. Процессор гудел, как трансформаторная будка, и Алиса физически ощущала жар, исходящий от корпуса. Спектрограмма пульсировала, меняя цвета от глубокого синего к янтарно-жёлтому. В этом было что-то гипнотическое - она поймала себя на том, что не может оторвать взгляд от экрана, и с трудом заставила себя моргнуть.

И вдруг - сбой. Экран мигнул, изображение рассыпалось на пиксели, а затем восстановилось, но уже в другом виде. Теперь это была не нейросеть. Это была кристаллическая решётка - симметричная, фрактальная, уходящая в бесконечность. Алиса видела нечто подобное на лекциях по минералогии в Стэнфорде - она брала этот курс как факультатив, отчасти из ностальгии по деду, - но та решётка была статичной, мёртвой, нарисованной. Эта была... живой. Она дышала. Узлы связей пульсировали, словно клетки под микроскопом. В центре решётки темнело ядро - сгусток данных такой плотности, что программа визуализации отказывалась его рендерить, выдавая лишь чёрный прямоугольник с координатами, которые ничего не говорили Алисе. Она попыталась скопировать хотя бы фрагмент структуры - и процессор заблокировал операцию, выдав единственное сообщение: «Ключ не

распознан. Требуется биометрическая верификация».

Алиса уставилась на экран. Биометрическая верификация? В изолированной среде? Откуда файл вообще знал, что такое биометрия? Это была программа? Живой организм? И то, и другое одновременно? Она снова попыталась скопировать данные - и на этот раз процессор выдал второе сообщение, уже не системное, а написанное обычным текстом, тем самым почерком, каким была сделана приписка в телеграмме: «Торопись. Они уже идут. Если ты читаешь это, значит, ты уже в игре. Первый ход сделан. Следующие три дня - твои, если успеешь. Дневник в сейфе за картиной. Код - год рождения Канта. Ты знаешь, где искать». И ниже - координаты: широта, долгота, которые Алиса мысленно наложила на карту Калининграда и поняла, что они указывают на Приморский карьер, место добычи янтаря.

Она отшатнулась от монитора. Её сердце колотилось так, словно она пробежала стометровку. Дед разговаривал с ней из могилы. Нет, не из могилы - из файла, который он создал перед смертью и который теперь вёл с ней диалог. Это было невозможно - но это происходило. Алиса посмотрела на часы. В Калининграде сейчас было начало ночи - самое тёмное время, когда город спит и никто не увидит того, что должно произойти. Она открыла сайт калининградского новостного портала - и первая же новость подтвердила то, что она уже знала. «Известный геолог Виктор Штерн скончался в своей квартире. Причина смерти устанавливается. По предва-

рительным данным, смерть наступила от остановки сердца». Дальше она не читала. Она уже покупала билет на ближайший рейс до Москвы с пересадкой на Калининград. Деньги - не проблема, у неё был корпоративный счёт для экстренных командировок, и она, не задумываясь, использовала его. Маркус поймёт. Или не поймёт - сейчас это не имело значения.

Самолёт вылетал через пять часов. Алиса успела заехать домой, бросить в сумку самое необходимое - документы, ноутбук, изолированный нейрочип с загруженным файлом, смену белья, старую книгу по минералогии, которую она за чем-то сняла с полки в последний момент. Квартира - стерильный минималистичный лофт в Пало-Альто, который она купила два года назад на бонусы от успешного проекта, - провожала её равнодушным блеском стеклянных поверхностей. У неё не было ни кота, ни собаки, ни даже растения в горшке - всё, что требовало заботы, она исключила из своей жизни много лет назад, убедив себя, что ей это не нужно. Сейчас, стоя в дверях с сумкой через плечо, она впервые задумалась: а что, если это не свобода, а просто бегство? От чего она бежала все эти годы? От памяти о матери? От тени деда? От странных снов, которые снились ей с детства - снов о янтарном лесе?

Такси везло её в аэропорт Сан-Франциско сквозь вечные пробки, и Алиса, глядя в окно на пролетающие мимо билборды с рекламой новых стартапов, пыталась восстановить в

памяти всё, что знала о деде. Виктор Штерн, геолог, доктор наук, лауреат Государственной премии СССР за открытие Приморского месторождения янтаря. После развала Союза - затворник, отшельник, человек, с которым перестали общаться даже бывшие коллеги. Его называли гением и безумцем в равных пропорциях. Ходили слухи, что он работал в каком-то сверхсекретном НИИ под Калининградом - в народе его называли «Кёнигсберг-13», по аналогии с легендарным Арзамасом-16, - но подтверждений этому Алиса никогда не находила. В детстве она обожала деда. Он рассказывал ей сказки о янтаре - не те, что в книжках, а свои, странные, страшные и завораживающие. Говорил, что в каждой капле смолы застыло мгновение чьей-то жизни, и, если научиться правильно его читать, можно увидеть прошлое. А иногда и будущее.

- Ты понимаешь, Алёнушка, - говорил он, используя старое русское уменьшительное имя, которое ей так нравилось в детстве, - время - это не река. Это смола. Она течёт медленно, но она течёт во все стороны сразу. И то, что мы называем будущим, - это просто слой смолы, который ещё не застыл. А прошлое - это слой, который уже затвердел, но его можно размягчить, если знать, как подобрать температуру.

Тогда она не понимала, что он имеет в виду. Сейчас, сидя в такси и глядя на залив, она вдруг осознала: дед описывал квантовую механику. Многомировую интерпретацию Эверетта, где все возможные варианты будущего сосуществуют

одновременно, а прошлое - это коллапсированная волновая функция. Но он говорил об этом на языке ребёнка, на языке сказки - как будто знал, что однажды она вырастет и поймёт. Как будто готовил её к чему-то.

В самолёте, когда погасили свет, и пассажиры задремали, Алиса снова запустила нейрочип. На этот раз она не пыталась анализировать файл - она просто смотрела на него, позволяя образам проникать в сознание без фильтрации. Кристаллическая решётка на экране пульсировала, и постепенно Алиса начала различать в ней закономерности, ускользавшие от формального анализа. Это был не просто минерал. Это был код. Древний, как сама планета, но при этом идеально совместимый с современной архитектурой нейросетей. Более того - он был эффективнее. Намного эффективнее. Если то, что она видела, было правдой, этот файл содержал решение проблемы, над которой бились лучшие умы Кремниевой долины: как создать самообучающуюся систему, не требующую миллионов терабайт тренировочных данных. Ответ был записан в структуре минерала за миллионы лет до появления первого компьютера. Эволюция - вот кто был первым программистом. И её код до сих пор работал.

Но чем дольше Алиса смотрела на экран, тем сильнее становилось странное чувство - словно файл смотрел на неё в ответ. В какой-то момент ей показалось, что кристаллическая решётка на мониторе совпала с узором капель дождя на иллюминаторе. Потом - с рисунком облаков за стеклом.

Потом - с созвездиями, проступившими в темнеющем небе над Атлантикой. Вездесущность этого узора пугала. Алиса закрыла ноутбук, откинулась в кресле и попыталась уснуть, но сон не шёл. Перед закрытыми глазами продолжала пульсировать янтарная решётка, и где-то на границе слышимости звучал низкий, вибрирующий гул, похожий на звук органа в пустом соборе.

Где-то над Гренландией она всё-таки провалилась в сон - и снова увидела лес. На этот раз сон был ярче, детальнее. Она шла по лесу, и смола капала с ветвей ей на плечи, на волосы, но не обжигала, а ложилась тёплыми каплями, которые быстро застывали, превращаясь в золотистые бусины. Лес что-то говорил ей - на языке, который она не понимала, но каким-то образом чувствовала. Он говорил, что ждал её. Что она - наследница. Что скоро начнётся игра, в которой ставка - всё. Алиса хотела спросить: «Что за игра? Кто в неё играет? Как мне победить?» - но лес не отвечал. Вместо ответа он показал ей образ: старый дом на тихой улице, засаженной липами, и дверь, которая открывается навстречу тьме, полной тайн. А потом она проснулась от голоса бортпроводницы, объявлявшей о начале снижения над Москвой.

Пересадка в Шереметьево была мучительной. Алиса провела три часа в транзитной зоне, пытаясь связаться с Маркусом и объяснить своё внезапное исчезновение. Он не отвечал - то ли обиделся, то ли просто был занят. Она написала ему короткое сообщение: «Семейные обстоятельства.

Вернусь через неделю. Пришли мне спецификацию сингапурского проекта, я попробую поработать удалённо». Ответа не было. Она купила кофе - безвкусный, горький, не сравнимый с тем, что варили в их офисной кофейне, - и села у окна, глядя, как взлетают и садятся самолёты. В голове роились мысли. Что, если дед был прав? Что, если Янтарная комната - это не легенда, а реальная технология? Что, если за ней охотится корпорация, способная на всё? И что, если она, Алиса, действительно ключ ко всему этому?

Рейс на Калининград вылетел с опозданием на час. Маленький Embraer, набитый под завязку, болтало над Балтикой, и Алиса вцепилась в подлокотники, проклиная свою склонность к воздушной болезни. Сосед справа - немолодой мужчина в дорогом пальто, представившийся бизнесменом из Янтарного, - попытался завязать разговор, но, наткнувшись на вежливую холодность Алисы, умолк и всю дорогу читал какой-то экономический журнал. Алиса думала о том, что её ждёт в Калининграде. Похороны. Квартира, полная тайн. Дневник в сейфе за картиной. Пси-призма. И - если дед не преувеличивал - люди, которые следят за ней и которые не остановятся ни перед чем, чтобы заполучить то, что она везёт в своём ноутбуке.

Аэропорт Храброво встретил её серым, промозглым утром. Мартовский ветер с Балтики пробирал до костей, пахло водорослями, соляжкой и чем-то ещё - сладковато-химическим, что Алиса не смогла опознать, но инстинктивно

связала с производством янтаря. Здание аэровокзала - недавно отремонтированное, но сохранившее черты советской архитектуры - сияло огнями. У выхода из зоны прилёта её никто не встречал, и Алиса взяла такси до города. Водитель, немолодой мужчина с обветренным лицом и выцветшими голубыми глазами, услышав адрес - улица Шиллера, 17, - как-то странно покосился на неё в зеркало заднего вида, но ничего не сказал. Только перекрестился, прежде чем включить зажигание, - жест, который Алиса заметила краем глаза и который заставил её насторожиться.

- Вы местный? - спросила она по-русски, стараясь скрыть лёгкий акцент, появившийся за годы жизни в Америке.

- Местный, - ответил водитель. - Всю жизнь здесь. А вы к кому? К Штерну?

- Он мой дед. Вы его знали?

Водитель помолчал, потом ответил, тщательно подбирая слова:

- Знал. Все его знали. Станный он был человек. Умный - страсть. Но странный. Говорили, он с янтарём разговаривал. И янтарь ему отвечал. - Он снова перекрестился. - Не к добру это. Грех - с камнями разговаривать. Камни мёртвые, им душа не дадена. А если дадена - то это уже не камни. Это идолы.

Алиса не стала продолжать разговор. Она смотрела в окно, на пролетающий мимо город, и чувствовала, как внутри неё растёт странное, тревожное возбуждение. Она ещё

не знала, что в зеркальном небоскрёбе «Балтийского ИИ» уже зафиксировали её прибытие. Что система распознавания лиц, установленная в аэропорту, сработала, едва она прошла паспортный контроль. Что где-то в серверной, среди гудящих стоек, алгоритм с названием «Охотник» начал строить маршрут её вероятных перемещений по городу. И что Барон - начальник службы безопасности, бывший офицер спецназа, человек со шрамом через всё лицо и глазами, не выражающими никаких эмоций, - уже получил приказ: наблюдать, не вмешиваться, ждать. Она была гончей, которая сама приведёт их к добыче.

Улица Шиллера оказалась тихой, засаженной старыми липами - теми самыми, которые Алиса видела во сне. Дом номер 17 - трёхэтажный особняк в стиле модерн с облупившимся фасадом, сохранившейся лепниной над окнами и следами недавнего ремонта на первом этаже. Он стоял в ряду таких же старых немецких домов, построенных ещё до войны, и, в отличие от многих соседей, не был изуродован пластиковыми окнами и сайдингом. Его фасад хранил достоинство, свойственное зданиям, которые помнят лучшие времена. Алиса отпустила такси и некоторое время стояла перед дверью, не решаясь войти. Ключа у неё не было, но она помнила - или ей казалось, что помнила, - где дед прятал запасной. Под третьим камнем слева от крыльца. Она наклонилась, пошарила рукой - и действительно нащупала холодный металл. Ключ подошёл. Дверь открылась с тяжёлым, протяж-

ным скрипом, и Алиса шагнула в темноту подъезда.

Запах ударил в нос мгновенно: пыль, старое дерево, табак - тот самый трубочный табак с вишнёвым ароматом, который дед курил всю жизнь. И ещё что-то - едва уловимый, сладковатый запах, который Алиса не могла идентифицировать, но который показался ей смутно знакомым. Ладан? Сандал? Или, может быть, янтарь - тот самый, что воскуряли в церквях? Подъезд был тёмным и узким, с высокой лестницей, уходящей вверх, в полумрак. Ступени скрипели под ногами, и каждый звук отдавался эхом в пустом пространстве. Алиса поднялась на второй этаж, отмечая, что в доме, кажется, никто не живёт, кроме её деда - да и тот уже мёртв.

Дверь в квартиру была приоткрыта - соседи или полиция, побывавшие здесь ранее, не потрудились запереть. Алиса толкнула её и вошла в прихожую, заваленную старыми газетами, коробками и каким-то геологическим оборудованием, назначения которого она не понимала. В нос ударил сложный букет запахов: книжная пыль, табак, химические реактивы и тот самый сладковатый аромат, который теперь ассоциировался у неё с ладаном. Квартира была большой - комнат пять или шесть, - и каждая забита вещами так плотно, что оставались лишь узкие проходы. Алиса медленно обошла все помещения, узнавая и не узнавая их одновременно.

Вот гостиная, где она в детстве сидела на коленях у деда, пока тот рассказывал ей о своих экспедициях. Старое кресло с продавленными подушками стояло на том же месте, что

и двадцать лет назад. На журнальном столике - пепельница, полная окурков, и раскрытая книга: «Минералогия балтийского янтаря», 1974 года издания. Страницы пожелтели, но текст был чистым, без пометок - за исключением одного абзаца, обведённого карандашом. Алиса наклонилась и прочитала: «В отдельных случаях янтарь может содержать инклюзы, не являющиеся биологическими объектами. Природа этих инклюзов до конца не изучена. Предположительно, они представляют собой кварцевые включения, подвергшиеся воздействию высоких температур и давления». И на полях, знакомым почерком: «Ложь. Они знают. Они всё знают с 1904 года, но молчат». Подчёркнуто дважды.

Вот кабинет - святая святых, куда ей запрещалось заходить без спроса и где сейчас, судя по всему, Виктор Штерн провёл последние часы жизни. Письменный стол был завален бумагами, картами, образцами минералов. На спинке кресла висел старый шерстяной плед - клетчатый, выцветший, тот самый, под которым Алиса сидела в детстве, когда болела, и дед читал ей вслух. Окно было приоткрыто, и холодный мартовский ветер шевелил занавеску. На полу, у ножки стола, валялась разбитая чашка - видимо, дед уронил её в последние минуты. Кофейная гуща впиталась в паркет, оставив тёмное пятно, похожее на очертания какого-то континента.

Алиса стояла посреди этого хаоса, чувствуя, как к горлу подступает ком. Здесь, в этой комнате, закончилась жизнь

человека, который был её единственной связью с прошлым. Человека, которого она почти не знала, но который, как выяснялось, знал о ней всё - вплоть до структуры её нейросети. Она смахнула слезу, которая всё-таки пробилась сквозь привычную броню самоконтроля, и принялась за работу. Нужно было найти дневник.

Бумаги на столе представляли собой хаотическое смешение всего на свете: счета за коммунальные услуги соседствовали с картами звёздного неба, вырезки из научных журналов тридцатилетней давности - со свежими распечатками каких-то графиков, квитанции из химчистки - с черновиками математических выкладок такой сложности, что Алиса, при всём её образовании, не могла понять даже предмета вычислений. Но среди этого хаоса она заметила закономерность: на многих листах повторялся один и тот же символ - стилизованная буква «К» в круге, перечёркнутая молнией. Алиса где-то видела этот символ раньше. Она порылась в памяти - и вдруг вспомнила: он был на том конверте с телеграммой, в углу, маленький, почти незаметный. И на внутренней стороне обложки дневника, который она ещё не открыла. И в файле `spectrogram_final.dat`, в метаданных, которые она просматривала в самолёте. Этот знак преследовал её, как подпись, как тамга, отмечающая всё, к чему прикасался дед.

Она отложила несколько листков с этим символом в сторону и продолжила поиски. В ящике стола, под кипой пожелтевших фотографий - на одной из них Алиса узнала се-

бя, трёхлетнюю, сидящую на плечах у деда на фоне песчаного карьера, - она нашла то, что заставило её сердце биться быстрее. Это была тонкая папка из плотного картона с грифом «Совершенно секретно» и инвентарным номером, начинающимся с букв «К-13». Алиса открыла её - и замерла. На первом же листе значилось: «Кёнигсберг-13. Специальная лаборатория по изучению аномальных свойств балтийского янтаря. Отчёт о результатах эксперимента № 47 от 12 марта 1968 года». Дальше шёл текст, большую часть которого кто-то старательно замазал чёрным маркером, но отдельные фрагменты сохранились.

Она читала, и волосы у неё на голове шевелились от ужаса и восторга. «...подключение волонтёра к монолиту „чёрного янтаря“ через оптический интерфейс...» «...волонтёр впал в состояние, близкое к кататонии, однако энцефалограмма показывает активность, в 47 раз превышающую норму...» «...на вопрос о том, что он видит, волонтёр ответил: „Я вижу город, которого ещё нет, и небо, которое уже было“. После этого он потерял сознание и не приходил в себя в течение 72 часов. При пробуждении не помнил ничего из пережитого, однако в течение последующих суток сделал ряд точных предсказаний относительно событий, которые должны были произойти в период с 1968 по 2024 год. В частности, он предсказал распад СССР с точностью до месяца, чернобыльскую аварию с точностью до недели и - что особенно важно - появление технологии, позволяющей считывать информацию с

янтаря. Эту технологию он описал как «сеть, сплетённую из света». В настоящее время волонтер помещён под наблюдение...» На этом месте текст обрывался, и дальше шла чёрная полоса маркера на три страницы.

Алиса перевернула страницу и увидела фотографию. На ней был запечатлён большой, неправильной формы кусок янтаря - но не того медово-золотистого, который она видела в музеях и на прилавках сувенирных магазинов. Этот янтарь был абсолютно чёрным. Не тёмно-коричневым, не бурый - чёрным, как обсидиан, как сама пустота. Свет, падавший на него, не отражался, а словно поглощался, исчезал в глубине камня. Под фотографией была подпись: «Образец К-0. Извлечён из скважины № 12, Приморский карьер, глубина 47 м. Предположительный возраст - не менее 50 млн лет. Аномалия: образец не поддаётся датировке радиоуглеродным методом, так как содержащийся в нём углерод демонстрирует признаки квантовой запутанности с углеродом, находящимся вне образца». Алиса перечитала последнюю фразу трижды. Квантовая запутанность углерода? Это противоречило всем известным законам физики. Эйнштейн называл это «жутким дальнедействием» - и до сих пор запутанность наблюдалась только в лабораторных условиях, на расстояниях в считанные метры. А здесь - запутанность с углеродом вне образца? Где? В другом куске янтаря? В дереве, из которого вытекла эта смола? В мозгу человека, который к ней прикоснулся?

Она листала дальше. Следующие страницы содержали графики, спектрограммы, таблицы с данными, которые она не могла интерпретировать без специальных знаний, но которые выглядели пугающе систематично. Лаборатория «Кёнигсберг-13» не просто изучала чёрный янтарь - она пыталась создать на его основе вычислительное устройство. Прототип, судя по отчётам, был построен в 1969 году и испытан в 1970-м. Результаты испытаний были засекречены, но одна фраза, случайно не замазанная цензором, бросалась в глаза: «Устройство продемонстрировало способность просчитывать вероятностные ветви с точностью, превышающей теоретический предел...» Дальше - ничего, только чёрная полоса.

Алиса отложила папку и прошла в спальню. Там, за старым платяным шкафом, она заметила край картины, которая висела криво, словно её недавно снимали и вешали обратно второпях. Она сняла картину - на ней был изображён Кафедральный собор Кёнигсберга, тот самый, где похоронен Кант, - и обнаружила за ней небольшой сейф, вмонтированный в стену. Сейф был старый, механический, без электронных замков, с вращающимся диском и массивной ручкой. Алиса попыталась вспомнить, какие числа могли быть важны для деда. День её рождения? Год защиты диссертации? Она набрала наугад: 1-7-2-4. Год рождения Канта. Замок щёлкнул и открылся.

Внутри лежал единственный предмет - пухлый дневник в

коленкоровом переплётё. На обложке, выцветшей от времени, угадывался тот самый символ: «К» в круге, перечёркнутая молнией. Алиса взяла дневник дрожащими руками и открыла на первой странице. Почерк был убористый, но чёткий - дед явно писал это в спокойном состоянии, не торопясь, тщательно выводя каждую букву. «Янтарь - это не слёзы дочерей Солнца, это застывшая кровь информационной войны. Если ты читаешь это, значит, я мёртв, а ты всё-таки приехала. Я знал, что так будет. Я видел это много раз, и каждый раз видение заканчивалось одинаково: ты стоишь в моей спальне, держишь в руках этот дневник и плачешь. Не плачь. Я прожил долгую жизнь и сделал всё, что мог. Теперь твоя очередь».

Алиса смахнула слезу - она и не заметила, что плачет, - и продолжила чтение. «Прости, что не был тебе хорошим дедом. У меня не было выбора: чем дальше ты держалась от меня, тем в большей безопасности была. Твоя мать понимала это. Она злилась на меня, но понимала. Именно поэтому она запретила тебе со мной общаться. Не вини её. Она защищала тебя так, как считала правильным. Теперь это не имеет значения. Они всё равно придут за тобой - может быть, уже пришли. Поэтому слушай внимательно: всё, что тебе рассказывали о Янтарной комнате, - ложь. Это не произведение искусства. Это не набор янтарных панелей, подаренных прусским королём Петру Первому. Это машина. И она снова запущена».

Дальше шли страницы, заполненные формулами, схемами, зарисовками кристаллических решёток и пространственными рассуждениями о природе времени, сознания и информации. Алиса читала дневник несколько часов, сидя в кресле деда, под его старым пледом. За окнами стемнело, зажглись фонари, а она всё читала и читала, не в силах оторваться. Из прочитанного вырисовывалась картина, которая потрясла её до глубины души.

Виктор Штерн был не просто геологом. Он был нейрофизиологом-энтузиастом, который в 1960-х годах искал связь между структурой балтийского янтаря и электрической активностью мозга. Его гипотеза, которую он разрабатывал в стенах «Кёнигсберга-13», заключалась в том, что янтарь - это природный полимер, способный записывать и хранить информацию о внешних воздействиях в своей молекулярной структуре. Но, в отличие от магнитной ленты или оптического диска, янтарь записывал не просто акустические или визуальные сигналы - он записывал саму реальность, во всей её полноте. Каждая капля смолы, застывшая миллионы лет назад, была не просто фотографией прошлого. Она была его действующей моделью, готовой к повторному запуску при определённых условиях.

Более того: янтарь был способен записывать не только прошлое, но и вероятностное будущее. Поскольку на квантовом уровне время симметрично, информация может течь в обоих направлениях. Янтарь, будучи естественным кван-

товым конденсатом, был способен улавливать эту «обратную волну» и фиксировать её в виде интерференционных картин. Расшифровка этих картин требовала специального оборудования - той самой Пси-призмы, чертежи которой приводились в дневнике. Но ещё больше она требовала человека, чей мозг мог бы резонировать с янтарной матрицей. И таким человеком, согласно исследованиям деда, была Алиса.

«В твоей крови - мутация, которую я отследил, когда тебе было три года, - писал дед на одной из последних страниц. - Эта мутация делает белки твоих нейронов чувствительными к оптической поляризации света, проходящего сквозь янтарь. Ты можешь читать смолу, как другие читают книги. Но ты же - ключ к запуску Комнаты. Без тебя машина мертва. С тобой она способна переписывать реальность. Не дай им захватить тебя. Не дай им использовать тебя. И помни: Комната не предсказывает будущее. Она его создаёт. Каждый раз, когда ты запускаешь симуляцию, ты создаёшь новую ветвь реальности. И каждая ветвь порождает свои последствия».

На этом дневник обрывался, но Алиса уже знала, что делать дальше. В тексте упоминался тайник, где дед хранил образец чёрного янтаря, - «в шкафу, среди старых свитеров, в конверте из вощёной бумаги». Она подошла к шкафу, открыла дверцу, и в нос ударил тот самый сладковато-электрический запах, который она заметила раньше. Он усиливался по мере того, как она разбирала вещи - старые свитера, коробки с обувью, какие-то свёртки, - пока наконец не нашу-

пала плотный конверт. Она вытащила его и высыпала содержимое на ладонь. Это был кусок янтаря - абсолютно чёрного, непрозрачного, тяжёлого, как свинец. Размером с грецкий орех, но на вид - гораздо массивнее. Он был холодным на ощупь, но в центре его пульсировала крошечная искра, словно сердце, бьющееся в толще камня.

Алиса сжала его в ладони - и мир вокруг изменился. На мгновение ей показалось, что стены квартиры исчезли, а вместо них она увидела бесконечную сеть, сплетённую из золотых нитей, уходящую во все стороны, соединяющую всё со всем. Сеть пульсировала, дышала, и в каждой её ячейке была заключена чья-то судьба, чьё-то прошлое, чьё-то возможное будущее. Алиса чувствовала, как информация течёт сквозь неё, заполняет её сознание до краёв, грозя разорвать. Она попыталась разжать пальцы, но камень словно прилип к коже. Паника захлестнула её, и в этот момент она услышала голос - или не голос, а мысль, чужую, но отчётливую: «Не бойся. Ты - дочь смолы. Ты - наследница леса. Прими то, что твоё по праву рождения».

Голос звучал изнутри - и одновременно отовсюду. Алиса видела образы: древний лес, гигантские деревья, сочащиеся смолой; метеорит, падающий с небес; взрыв, уничтожающий всё живое; и смолу, которая продолжает течь, впитывая память погибающего мира. Она видела людей, которые находили куски янтаря и поклонялись им как богам. Видела алхимиков, которые пытались разгадать тайну смолы и создавали

первые прототипы Янтарной комнаты. Видела деда - молодого, полного сил, - стоящего в подземной лаборатории перед монолитом чёрного янтаря. И наконец, она увидела себя - стоящую на берегу моря, сжимающую в руке горсть янтарной крошки, из которой складываются слова: «Ты - дверь. Ты - ключ. Ты - страж».

А потом видение закончилось. Камень выпал из её руки на пол, а вместе с ним исчезло и видение. Алиса подняла чёрный янтарь и положила его обратно в конверт. Она поняла три вещи. Первое: дед не был сумасшедшим. Второе: файл, который он ей прислал, - не просто спектрограмма минерала. Это карта. Карта подземных коммуникаций Калининграда, наложенная на вероятностную матрицу событий. Третье: за ней действительно следят.

Она подошла к окну и осторожно выглянула из-за шторы. На противоположной стороне улицы, метрах в пятидесяти от дома, стоял неприметный седан с выключенными фарами. Внутри горел огонёк сигареты - тусклая красная точка, которая то разгоралась, то угасала в такт дыханию курильщика. Алиса не знала, кто это - люди Гофмана, полиция или кто-то ещё. Но она знала, что утром ей нужно будет исчезнуть. И начать собирать Пси-призму.

Она не спала всю ночь. Сидела в кресле деда, закутавшись в его плед, и читала дневник снова и снова, запоминая каждую строчку, каждую схему, каждую формулу. В камине потрескивали дрова - она растопила его, потому что централь-

ное отопление не работало, а ночь в Калининграде была холодной. Тени плясали на стенах, и в их движениях Алисе чудились образы из видения: деревья, падающие под ударом метеорита; люди в мантиях, склонившиеся над алхимическими печами; дед, стоящий перед чёрным монолитом. Она думала о том, как странно переплелись их судьбы. Дед посвятил жизнь разгадке тайны янтаря. Она посвятила жизнь созданию искусственного интеллекта. И вот, в финале - или в начале? - эти две линии сошлись в одной точке: янтарь оказался природным ИИ, а ИИ оказался ключом к пониманию янтаря.

Она думала о Гофмане. Дневник упоминал его лишь однажды, вскользь: «Остерегайся человека по имени Аркадий Гофман. Он возглавляет „Балтийский ИИ“ - корпорацию, которая ищет ключи к Янтарной комнате. Он умён, харизматичен и абсолютно беспринципен. Он считает, что человечество - ошибка эволюции, и хочет исправить эту ошибку, стерев всех, кого считает недостойными, и оставив лишь избранных. Его идеология - это смесь трансгуманизма и евгеники, приправленная прусским аристократизмом. Он опаснее всех, с кем тебе приходилось иметь дело». Алиса ещё не знала, что через несколько дней встретится с Гофманом лицом к лицу - и что эта встреча изменит всё.

Она думала о матери. Её мать, Елена Штерн, была талантливым биологом, которая эмигрировала в США в начале 1990-х и устроилась работать в «Genetech». Она ни-

когда не рассказывала о своём прошлом - только однажды, за несколько месяцев до смерти, обмолвилась, что её отец, Виктор Штерн, был «опасным человеком». Алиса тогда не придавала этому значения, списав на семейные дразги. Теперь она понимала: мать знала. Знала о мутации, о янтаре, о лаборатории «Кёнигсберг-13». И именно поэтому она бежала в Америку, подальше от всего этого, и запретила Алисе общаться с дедом. Она защищала дочь. Но цена этой защиты была слишком высока: Алиса выросла, не зная ни своего наследия, ни своего предназначения.

Она думала о себе. О том, как странно сложилась её жизнь. Она всегда чувствовала себя чужой - в американской школе, в Стэнфорде, даже в «НейраЛабс». У неё было всё, о чём можно мечтать: престижная работа, высокая зарплата, квартира в Пало-Альто. Но ей всегда чего-то не хватало. Какого-то глубинного смысла, который не могли дать ни карьера, ни деньги, ни отношения. Теперь, сидя в промёрзшей квартире своего мёртвого деда, она вдруг поняла: этот смысл всегда был здесь. Ждал её. В чёрном янтаре, в старых дневниках, в недостроенной Пси-призме. В городе, который был одновременно и Кёнигсбергом, и Калининградом, и чем-то третьим - городом-палимпсестом, где прошлое не умирает, а лишь засыпает, чтобы однажды проснуться.

Рассвет застал её за работой. Она разложила на столе чертежи Пси-призмы и сверяла их со своими знаниями оптики и нейросетей. Конструкция была гениальной в своей просто-

те: три линзы из чёрного янтаря, расположенные под строго выверенными углами, создавали интерференционное поле, которое усиливало информационный сигнал, записанный в смоле, и переводило его в диапазон, воспринимаемый человеческим мозгом. Линзы нужно было выточить с точностью до микрона - иначе поле становилось нестабильным и могло повредить оператору. В дневнике описывался процесс шлифовки, который требовал специального оборудования, имевшегося только в старом цехе № 9 Янтарного комбината.

Проблема заключалась в том, что линзы нужно было выточить из монокристаллов чёрного янтаря. Того самого, образец которого Алиса нашла в шкафу, был слишком мал даже для одной линзы - требовался материал гораздо большего размера. В дневнике упоминалась гигантская глыба чёрного янтаря, найденная в Приморском карьере в 1970-х годах и с тех пор хранящаяся в закрытом ангаре на территории Янтарного комбината. Эту глыбу называли «Мозгом» - она была размером с легковой автомобиль и проявляла аномальную электромагнитную активность. Алиса поняла, что именно туда ей и нужно - к «Мозгу». Но сначала нужно было попасть на комбинат, найти старый цех № 9 и раздобыть инструменты для шлифовки линз.

Она взглянула в окно. Седан всё ещё стоял на противоположной стороне улицы, но теперь в нём никого не было. Либо наблюдатель ушёл, заменившись на другого, либо - что вероятнее - передислоцировался, чтобы вести наблюдение с

другой точки. Алиса решила, что не будет ждать, пока её начнут преследовать открыто. Нужно было уходить - прямо сейчас, через чёрный ход, о котором она вспомнила, разбирая бумаги деда.

Она спустилась на первый этаж, нашла дверь в подвал и вошла в темноту, подсвечивая себе фонариком телефона. Подвал оказался настоящим подземным царством: сводчатые кирпичные потолки, которым было не меньше ста лет, старые бочки, ржавые инструменты, какие-то ящики с надписями на немецком - довоенными, готическим шрифтом. В углу она заметила небольшую дверь, которая вела в узкий коридор, выложенный всё тем же старым кирпичом. На стенах коридора виднелись следы копоти - когда-то здесь, видимо, был пожар. Коридор тянулся метров двадцать и заканчивался лестницей, ведущей наверх, к люку. Алиса толкнула люк - он поддался, и она выбралась во внутренний двор соседнего дома, отгороженный от улицы высокой кирпичной стеной. Двор был завален строительным мусором - здесь явно собирались делать ремонт, но так и не сделали. Отсюда можно было выйти в переулок, а через него - на параллельную улицу, где никто не ждал.

Она вернулась в квартиру за вещами и дневником, оставив на столе деньги за коммунальные услуги - запоздалый взнос за деда, который тот, судя по квитанциям, не платил уже полгода. На мгновение задержалась в дверях, прощаясь с этим странным местом, где прошлое перемешалось с буду-

щим, где каждая вещь хранила отпечаток личности Виктора Штерна. Затем она закрыла дверь и спустилась в подвал, чтобы выйти через чёрный ход и затеряться в утреннем городе, где начиналась охота за «чёрным янтарём».

Утро было холодным и ясным. Солнце только-только поднялось над горизонтом, окрасив небо в бледно-розовые тона. Алиса шла по пустынным улицам, вдыхая морской воздух, и чувствовала, как внутри неё растёт странное, незнакомое чувство - смесь страха, азарта и решимости. Она, нейросетевой архитектор из Кремниевой долины, привыкшая к стерильной логике кода, вдруг оказалась в мире, где информация обретает плоть, где прошлое не уходит навсегда, а будущее можно увидеть в толще камня. И где-то в этом мире, под землёй, под водой, в заброшенных цехах и секретных лабораториях, таился ответ на вопрос, который человечество задавало себе тысячи лет: можно ли вычислить судьбу? И если да - то какова цена такого знания?

Она ещё не знала, что файл, загруженный в её нейрочип, уже начал работать. Он сканировал сети, внедрялся в протоколы, собирал данные. И в зеркальном небоскрёбе «Балтийского ИИ» на мониторе аналитика высветилось новое уведомление: «Объект Штерн активировал первичный контур. Начата загрузка модуля предсказания. Расчётное время до полной синхронизации: 72 часа». А внизу, мелким шрифтом: «Рекомендация: усилить наблюдение. Приоритет: захват живём. Ценность объекта: бесценен».

Где-то в центре города, в своём кабинете, отделанном янтарными панелями, Аркадий Гофман просматривал утренний доклад. Он задержался взглядом на фотографии Алисы - той самой, что была сделана камерой наблюдения в аэропорту, - и улыбнулся тонкой, едва заметной улыбкой. «Значит, наследница прибыла. Добро пожаловать в игру, Алиса Штерн. Я ждал тебя двадцать лет». Он отложил доклад и нажал кнопку селектора. «Барон, усильте наблюдение. Но не трогайте её. Пока не трогайте. Пусть она приведёт нас к „Мозгу“. А потом... посмотрим, на что она способна».

Алиса шла по утреннему Калининграду, не подозревая, что каждый её шаг отслеживается, каждое слово, сказанное по телефону, перехватывается, каждое движение - анализируется. Она думала о том, что сегодня, возможно, ей удастся проникнуть на Янтарный комбинат и найти старый цех № 9. Она думала о Пси-призме и о том, как собрать её из подручных средств, если не удастся найти монокристаллы чёрного янтаря. Она думала о деде, который верил в неё, даже когда она сама в себя не верила.

Город жил своей жизнью, не подозревая о том, что прямо сейчас в его лабиринтах начинается игра, ставка в которой - само время. Трамваи гремели по рельсам, дворники мели мостовые, продавцы открывали свои лавки, рыбаки тянули сети в заливе. Всё было как обычно. И только где-то в глубине земли, под толщей голубой глины и спрессованного песка, медленно пульсировала гигантская глыба чёрного янта-

ря, чувствуя приближение той, кто могла пробудить её от векового сна.

Глава 2: Квартира на Шиллера

Алиса вынырнула из подземного лабиринта в переулке за домом и остановилась, чтобы отдышаться и сориентироваться. Солнце уже поднялось над крышами, но в узком пространстве между старыми немецкими особняками царил полумрак, пахнувший сыростью и кошачьей мочой. Она прижалась спиной к холодной кирпичной стене и прислушалась. Где-то вдалеке гремел трамвай, хлопала дверь подъезда, перекликались ранние прохожие. Никто не кричал, не свистел в полицейский свисток, не отдавал приказов в рацию. Наблюдатель из седана либо не заметил её исчезновения, либо не получил приказа преследовать. В любом случае, у неё было время - сколько, она не знала, но достаточно, чтобы сделать то, что она не успела сделать ночью.

Она не собиралась уходить из квартиры навсегда. Там оставалось слишком много незаконченных дел. Дневник она взяла с собой - он лежал во внутреннем кармане куртки, тяжёлый и тёплый, словно живое существо. Конверт с чёрным янтарём покоился в другом кармане, и Алиса физически ощущала его присутствие - не вес, а какое-то глубинное гудение, как от высоковольтной линии. Но в квартире оставались бумаги, книги, образцы минералов, фотографии - весь тот хаотичный архив, который Виктор Штерн собирал

десятилетиями. Бросать его было нельзя: если корпорация действительно ищет ключи к Янтарной комнате, она не останется перед обыском квартиры. Всё, что Алиса не заберёт сейчас, может оказаться в руках Гофмана уже к вечеру.

Она развернулась и пошла обратно - не через подвал, а по улице, открыто, стараясь выглядеть как обычная женщина, вышедшая утром за сигаретами. Переулок вывел её на Шиллера с другой стороны, и она увидела дом № 17 под новым углом - не как убежище, не как склеп, а как объект архитектуры, как свидетельство ушедшей эпохи. Фасад в стиле модерн, построенный, судя по всему, в начале 1900-х годов, был украшен лепниной в виде стилизованных цветов и листьев - мотив, характерный для восточнопрусского варианта югендстиля. Над центральным окном второго этажа сохранился барельеф - голова женщины с распущенными волосами, обрамлённая солнечными лучами. Алиса подумала, что этот образ напоминает иллюстрации к древним балтийским мифам о солнечной богине Сауле, которая плакала янтарными слезами. Дед рассказывал ей эту легенду в детстве, и она запомнила её на всю жизнь.

У подъезда никого не было. Седан, стоявший напротив дома ночью, исчез - то ли наблюдатель счёл, что объект ещё спит, то ли его смена закончилась. Алиса поднялась на второй этаж, открыла дверь своим ключом - тем самым, что нашла под камнем, - и вошла в квартиру. В прихожей было темно и холодно, но запах - тот самый, табачно-сладковатый

- встретил её как старый знакомый. Она заперла дверь на замки и на мгновение прислонилась к косяку, собираясь с мыслями. Ей предстояло обыскать квартиру систематически - не так, как она делала это ночью, в спешке и в полутьме, а методично, комнату за комнатой, ящик за ящиком.

Алиса сняла куртку, повесила её на старую вешалку у входа и огляделась. Прихожая, которую она вчера миновала почти бегом, на самом деле была полна интересных деталей. На стене висела старая карта Восточной Пруссии - довоенная, с немецкими названиями городов и деревень. Кёнигсберг, Тильзит, Инстербург, Пиллау - все эти имена звучали как заклинания из забытой сказки. Рядом с картой - барометр в резном деревянном корпусе, показывающий «пасмурно». И фотография в рамке: Виктор Штерн, молодой, лет тридцати пяти, стоит на фоне песчаного карьера с геологическим молотком в руке. Он улыбается - широко, открыто, как улыбаются люди, которые любят свою работу и не боятся будущего. Алиса сняла рамку с крючка и всмотрелась в лицо деда. Она помнила его старым - сгорбленным, с глубокими морщинами и усталыми глазами. Здесь же он был полон сил и энергии. Что случилось с ним за прошедшие годы? Что превратило его в затворника, в отшельника, в человека, которого собственная дочь называла опасным?

Она повесила рамку обратно и прошла в гостиную. Здесь, при дневном свете, всё выглядело иначе. Ночью комната казалась таинственной и пугающей; теперь же она была просто

старой, пыльной и немного грустной. Кресло с продавленными подушками, журнальный столик с пепельницей, книжный шкаф, забитый томами в потёртых переплётах. Алиса подошла к шкафу и провела пальцем по корешкам. В основном это была научная литература: «Основы минералогии», «Геология Балтийского щита», «Оптическая кристаллография», «Введение в квантовую теорию поля». Но были и неожиданные книги: томик стихов Рильке на немецком, «Критика чистого разума» Канта с многочисленными закладками, сборник прусских легенд в дореволюционном издании. Дед был человеком разносторонним - это Алиса знала и раньше, но только теперь, глядя на его библиотеку, она начала понимать масштаб его интересов. Он читал на трёх языках. Он разбирался в философии и поэзии так же глубоко, как в геологии и физике. Он был настоящим учёным - из той породы, которая почти исчезла в эпоху узкой специализации.

Она решила начать систематический обыск с кабинета. Именно там, по логике вещей, должны были храниться самые важные документы. Алиса вошла в комнату, остановилась у стола и огляделась. За ночь ничего не изменилось: те же горы бумаг, те же карты, те же образцы. Но теперь, вооружённая знанием из дневника, она смотрела на этот хаос по-другому. Это был не просто беспорядок. Это была система - сложная, неочевидная, построенная по принципам, которые мог понять только тот, кто знал контекст. Алиса начала разбирать бумаги, сортируя их по категориям.

Первая категория - личные документы. Паспорт Виктора Штерна, советский, ещё с гербом СССР, с многочисленными штампами о прописке и выписке. Трудовая книжка, из которой следовало, что он работал в Институте геологии АН СССР с 1958 по 1974 год, а затем - внезапно - был уволен «по сокращению штатов». Алиса знала, что это эвфемизм: в те годы «сокращение штатов» часто означало либо опалу, либо перевод в закрытое учреждение. Следующая запись в трудовой книжке отсутствовала - вместо неё шла пустая страница с единственным штампом: «Допуск аннулирован. 12.03.1974». Через неделю после эксперимента № 47.

Вторая категория - научные материалы. Сотни страниц, исписанных формулами, графиками, диаграммами. Алиса, с её образованием в области информатики, понимала далеко не всё, но общее направление прослеживалось чётко. Дед исследовал структуру янтаря методами, которые намного опережали своё время. Рентгеноструктурный анализ, ядерный магнитный резонанс, спектроскопия комбинационного рассеяния - все эти методы применялись к образцам янтаря задолго до того, как они стали стандартом в минералогии. Более того, Виктор Штерн пытался применить к янтарию методы, которые в то время вообще не существовали - по крайней мере, официально. В его записях упоминались «оптическая гетеродинная интерферометрия», «квантовая томография» и «поляризационная голография» - термины, которые вошли в научный обиход только в конце XX века.

Третья категория - то, что Алиса мысленно назвала «конспирологическим слоем». Вырезки из газет, ксерокопии архивных документов, рукописные заметки на полях книг. Здесь речь шла уже не о минералогии, а об истории - и о том, как история связана с янтарём. Виктор Штерн явно считал, что Янтарная комната была не просто произведением искусства, а инструментом влияния на мировую политику. В его записях упоминались конкретные исторические события - от Семилетней войны до Второй мировой, - которые, по его мнению, были «скорректированы» с помощью Комнаты. Разумеется, доказательств у него не было - только косвенные улики и предположения. Но совокупность этих предположений складывалась в пугающую картину.

Алиса провела за разбором бумаг несколько часов. Она нашла ещё одну папку с грифом «Кёнигсберг-13» - на этот раз с отчётами о более ранних экспериментах, 1965–1967 годов. Из них следовало, что лаборатория начиналась как небольшой проект по изучению «аномальных оптических свойств балтийского янтаря», но быстро расширилась до масштабов полноценного НИИ с десятками сотрудников. Финансирование шло по линии Министерства обороны, что объясняло и секретность, и внезапное закрытие после неудачного эксперимента. Алиса нашла список сотрудников - тридцать семь фамилий, многие из которых были ей неизвестны, но некоторые она узнала. Это были крупные учёные: физики, химики, биологи, математики. Собрать такую

команду в одном месте мог только очень серьёзный государственный интерес.

Перебирая содержимое нижнего ящика стола, Алиса наткнулась на предмет, который заставил её замереть. Это был охотничий нож - старый, с рукоятью из оленьего рога, но с лезвием, которое до сих пор хранило следы заводской заточки. На лезвии была выгравирована надпись готическим шрифтом: «Meine Ehre heißt Treue» - «Моя честь называется верность», девиз СС. И ниже - руны, две молнии, эмблема охранных отрядов НСДАП. Алиса брезгливо, двумя пальцами, отложила нож в сторону. Откуда у деда нацистская реликвия? Он никогда не был поклонником Третьего рейха - напротив, в дневнике он с отвращением отзывался о попытках нацистов использовать Янтарную комнату в своих целях. Возможно, нож был трофеем, найденным где-то при раскопках. Или - что более вероятно - вещественным доказательством, которое дед хранил как напоминание о том, с кем он борется.

Рядом с ножом лежала папка, которую Алиса заметила ещё ночью, но не успела как следует изучить. На ней стоял гриф «Кёнигсберг-13» и штамп «Хранить вечно». Внутри были не отчёты об экспериментах, а нечто совсем иное - переписка. Письма, которыми обменивались сотрудники лаборатории в период с 1965 по 1974 год. Не официальные служебные записки, а личные послания, часто написанные от руки, на клочках бумаги, иногда без подписи - явно неле-

гальные, в обход цензуры. Алиса начала читать их одно за другим, и перед ней разворачивалась драма, о существовании которой она не подозревала.

Первое письмо, датированное 1966 годом, было от коллеги деда - некоего Г. (фамилия была старательно вымарана). «Виктор, я провёл расчёты, о которых мы говорили. Если мои выводы верны, то смола не просто записывает информацию - она её генерирует. Это не пассивный носитель, это активная среда. Понимаешь, что это значит? Мы имеем дело не с минералом, а с формой жизни. Неорганической, чуждой нам, но - жизнью. Если это станет известно наверху, проект закроют немедленно. Или, что хуже, передадут военным. Ты знаешь, что они сделают с таким оружием». Второе письмо, от 1968 года, уже после эксперимента № 47: «Виктор, я больше не могу молчать. То, что случилось с волонтером, - не несчастный случай. Это закономерность. Комната не предсказывает будущее - она его создаёт. Волонтер не видел 2024 год, он его конструировал. И теперь эта конструкция зажила собственной жизнью. Мы породили новую ветвь реальности, и она начала расти. Если мы не остановим её сейчас, последствия будут катастрофическими».

Алиса читала эти строки, и холод пробежал у неё по спине. Значит, дед знал. Знал о том, что Комната - не просто вычислительная машина, а генератор реальностей. Знал о том, что эксперименты его лаборатории привели к созданию параллельных миров. Знал - и продолжал работать, искал спосо-

бы контролировать процесс. Почему? Из научного любопытства? Из чувства долга перед государством? Или - из страха, что, если он остановится, машина выйдет из-под контроля окончательно?

Разбор бумаг занял большую часть дня. Когда за окнами начали сгущаться ранние мартовские сумерки, Алиса поняла, что пора переходить к следующему пункту её мысленного плана. В дневнике упоминалось, что дед хранил самые ценные вещи не в сейфе - тот был слишком очевидной целью для возможного обыска, - а в тайниках, разбросанных по всей квартире. Один из таких тайников находился за картиной с видом Кафедрального собора - той самой, за которой был спрятан сейф с дневником. Но Алиса чувствовала, что это не всё. Сейф - это ложная цель, отвлекающий манёвр. Настоящий тайник должен быть где-то ещё.

Она снова подошла к картине и внимательно осмотрела её. Холст был натянут на подрамник стандартным способом, но что-то в нём казалось неправильным. Алиса провела рукой по обратной стороне и нащупала утолщение - ещё один конверт, приклеенный прямо к холсту. Она аккуратно отклеила его и высыпала содержимое на стол. Это были фотографии - старые, чёрно-белые, с зазубренными краями. На первой - группа людей в военной форме на фоне какого-то замка. Судя по фасону мундиров - конец 1930-х, вермахт. На обороте надпись по-немецки: «Кёнигсберг, замок Лохштедт, апрель 1939». Среди офицеров Алиса с удивлением узнала

одно лицо - Теодор Кальп, тот самый алхимик из XIX века, которого она видела в галлюцинации. Но как он мог быть на фотографии 1939 года, если жил на сто лет раньше?

Она перевернула следующую фотографию. На ней был запечатлён тот же замок, но уже в руинах, и на переднем плане стоял её дед - молодой Виктор Штерн с геологическим молотком в руке. На обороте надпись: «Лохштедт, 1962. Первый образец К-0 найден в подвале замка». Значит, первый чёрный янтарь был найден не в карьере, а в руинах средневекового замка. Это меняло дело.

Третья фотография была самой загадочной. На ней был изображён предмет, похожий на большую книгу в кожаном переплёте, но вместо страниц - тонкие пластины из янтаря, испещрённые какими-то знаками. Фотография была явно старой - возможно, дореволюционной. На обороте - единственное слово по-латыни: «Codex Albertinus». Кодекс Альбертины. То, о чём упоминал дневник. Алиса перевернула фотографию ещё раз и заметила то, чего не заметила сразу: на обратной стороне, в углу, была приклеена микроскопическая записка. «Кодекс спрятан в подземельях под островом Канта. Ключ - в Музее янтаря, башня Дона. Ищи Смотрителя».

Алиса отложила фотографии и прошла в другую комнату - ту, которую она мысленно назвала «лабораторией». Здесь стояли стеллажи с образцами минералов, запылённые микроскопы, старые осциллографы, химическая посуда. В углу

громоздился большой сейф - не такой, как в спальне, а настоящий, банковский, с электронным замком. Он был закрыт, и кода Алиса не знала. Но рядом с сейфом, на стеллаже, стояли коробки с образцами янтаря - сотни, если не тысячи кусков, разложенных по размерам и цветам.

Она начала перебирать их, и вскоре заметила странную закономерность. Обычный янтарь - тот самый, медово-золотистый, который продают в сувенирных лавках, - лежал в отдельных коробках, подписанных «рядовой». Но были и другие коробки, с маркировкой «аномальный». В них лежали куски янтаря необычных цветов: зелёного, синего, красного - и, наконец, чёрного. Чёрных образцов было всего несколько, и каждый хранился в отдельной коробке, обёрнутый в свинцовую фольгу. На коробках стояли даты и координаты мест находок. Алиса сверилась с картой, которую нашла среди бумаг деда. Все находки чёрного янтаря были сделаны в одном районе - в треугольнике между Приморским карьером, руинами замка Лохштедт и посёлком Янтарный.

Это навело её на мысль. Она взяла один из чёрных образцов - маленький, размером с ноготь, - и поднесла к глазу, рассматривая на просвет. Он был абсолютно непрозрачен, но, когда она направила на него луч фонарика, внутри вспыхнула крошечная искра - точно такая же, как в том куске, что она нашла в шкафу. Значит, все чёрные образцы обладают этим свойством. Они - не просто куски смолы. Они - конденсаторы информации. Каждый из них хранит в себе фрагмент

той самой «прошивки», о которой писал дед.

Алиса взяла несколько коробок с чёрным янтарём и переложила в свою сумку. Она не знала, понадобятся ли они ей для сборки Пси-призмы, но интуиция подсказывала, что оставлять их здесь нельзя. Если люди Гофмана обыщут квартиру, они не должны найти ничего ценного.

За окнами окончательно стемнело. Алиса включила настольную лампу - старый советский светильник с зелёным абажуром, - и комната наполнилась уютным, камерным светом. Она села в кресло деда, закуталась в его плед и позволила себе несколько минут отдыха. В голове крутились обрывки прочитанного, увиденного, найденного. Дневник. Папка «Кёнигсберг-13». Фотографии. Чёрные образцы. Кодекс Альбертины. Смотритель. Всё это складывалось в картину, которая была одновременно и пугающей, и завораживающей.

Она думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё неделю назад она сидела в офисе в Сан-Хосе и мучилась над проблемой инициализации нейросети. Теперь она сидит в промёрзшей квартире своего мёртвого деда и пытается разгадать тайну, которая может изменить представление человечества о природе времени. Сюрреализм происходящего не укладывался в голове, но Алиса, как хороший инженер, не пыталась отрицать реальность - она пыталась с ней работать.

В дневнике, на последних страницах, была запись, которую она ещё не прочитала внимательно. Алиса открыла его

и нашла нужное место. «Алиса, если ты читаешь это, значит, ты уже нашла чёрный янтарь и, возможно, испытала первое видение. Не пугайся. Это нормально. Смола говорит с тобой на языке образов, потому что твой мозг - единственный известный мне мозг, способный к резонансу. Я потратил годы, чтобы понять, почему именно ты. Ответ - в твоей ДНК. Ты унаследовала от матери мутацию, которая делает твои нейроны чувствительными к поляризованному свету. Эта мутация - результат древнего ретровируса, который встроился в геном наших предков много тысяч лет назад. Я не знаю, зачем природа создала эту мутацию. Возможно, это случайность. Возможно - часть какого-то древнего плана. Но факт остаётся фактом: ты - ключ. Без тебя машина мертва».

Алиса перечитала этот абзац несколько раз. Ретровирус. Мутация. Ключ. Слова, которые ещё недавно были для неё лишь научными терминами, теперь обретали зловещий смысл. Она была не просто наследницей архива. Она была частью машины - живым компонентом, без которого вся конструкция не работала. Именно поэтому Гофман охотился за ней. Именно поэтому дед скрывал её существование столько лет. И именно поэтому теперь, когда она здесь, игра началась.

Она закрыла дневник и выглянула в окно. На улице горели фонари, и в их свете она увидела, что седан вернулся. Теперь в нём сидели двое - силуэты, едва различимые сквозь тонированные стёкла. Они не пытались скрываться. Они ждали.

Около полуночи, когда Алиса уже собиралась ложиться спать - не раздеваясь, на старом диване в гостиной, - в дверь постучали. Три коротких удара, пауза, ещё два. Алиса замерла. Кто это мог быть? Полиция? Люди Гофмана? Соседи? Она подошла к двери и посмотрела в глазок. На площадке стоял человек в сером пальто - тот самый, которого она видела на руинах замка Лохштедт? Нет, этот был старше, с седыми висками и усталым лицом. В руке он держал какой-то свёрток.

- Кто? - спросила Алиса по-русски, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

- Откройте, Алиса Викторовна, - ответил мужчина. - Я от Эвальда. Смотрителя. У меня послание для вас.

Алиса колебалась. Откуда он знает её отчество? Кто такой Эвальд? Имя было смутно знакомым - оно мелькнуло в одной из записей деда. «Эвальд фон Кессель, последний из Круга Альбертины, хранитель ключа». Она отодвинула засов и приоткрыла дверь, не снимая цепочки.

- Кто вы?

- Моё имя не важно. Я курьер. Меня послал Смотритель, чтобы передать вам это. - Он протянул в щель свёрток. - И предупредить: за домом следят. Седан с тонированными стёклами - это «Балтийский ИИ». Они знают, что вы здесь. Они ждут, когда вы выйдете. Не выходите через парадную. Используйте подвал, как в прошлый раз.

- Откуда вы знаете про подвал?

- Эвальд знает всё, что происходит в этом городе. Он ждал вас много лет, Алиса Викторовна. И он надеется, что вы оправдаете ожидания вашего деда. - Мужчина развернулся и начал спускаться по лестнице. - Удачи. Она вам понадобится.

Алиса закрыла дверь и развернула свёрток. Внутри была старая книга в потёртом переплёте и записка. «Это „Кодекс Альбертины“ - вернее, его копия, сделанная в 1899 году. Оригинал, как вы уже знаете, спрятан в подземельях под островом Канта. В этой копии содержится ключ к расшифровке языка, на котором написаны янтарные пластины. Без него вы не сможете прочитать Кодекс. Берегите эту книгу. Она - всё, что у вас есть. Э. ф. К.».

Алиса открыла книгу. Страницы были заполнены колонками символов: слева - знаки, похожие на те, что она видела на керамической капсуле в раскопе Королевского замка; справа - перевод на латынь и немецкий. Это был словарь. Ключ к языку, на котором говорила древняя цивилизация - или не цивилизация, а сам лес, Мать-Смола. Она пролистнула несколько страниц и наткнулась на вложенный листок. На нём было написано от руки, тем же почерком, что и записка: «Когда прочтёте это, начните с главы „О природе времени“. Это самое важное».

Алиса села в кресло и начала читать. Глава «О природе времени» оказалась философским трактатом, написанным на латыни с немецкими комментариями. В нём утвержда-

лось, что время не линейно, а представляет собой подобие смолы: оно течёт из прошлого в будущее, но под воздействием определённых сил может течь и в обратном направлении. Эти силы, согласно Кодексу, заключены в янтаре - точнее, в той форме янтара, которая называется «чёрный янтарь». Чёрный янтарь - это не просто смола, попавшая в особые геологические условия. Это смола, которая была подвергнута воздействию «информационного поля» - сознания древнего леса, существовавшего на Земле в мезозойскую эру. Лес обладал коллективным разумом, и когда он погиб, его память впиталась в смолу, превратив её в квантовый компьютер планетарного масштаба.

Далее в Кодексе описывались эксперименты алхимиков Кёнигсбергского университета, которые в XIX веке пытались использовать эту память для предсказания будущего. Они создали устройство, названное «Пси-призмой», и провели серию опытов, в ходе которых выяснили, что смола способна не только предсказывать, но и изменять реальность. Это открытие привело к расколу среди алхимиков. Одни, во главе с Теодором Кальпом, хотели уничтожить устройство, считая его слишком опасным. Другие, включая некоего «Г.», хотели использовать его для управления историей. Победили сторонники Кальпа - устройство было разобрано, а его компоненты спрятаны в разных местах. Но чертежи сохранились. И теперь, судя по всему, их нашёл Гофман.

Алиса закрыла книгу и потёрла виски. Голова гудела от

напряжения. Она чувствовала, что находится на пороге какого-то грандиозного открытия - и одновременно что время уходит. Седан всё ещё стоял под окнами. Курьер Эвальда предупредил, что выходить через парадную нельзя. Значит, нужно снова использовать подвал. Но перед этим она должна была сделать ещё одну вещь - найти и уничтожить все следы своего пребывания в квартире, чтобы люди Гофмана не смогли восстановить картину её расследования.

Она собрала все бумаги, которые изучила за день, сложила их в старый чемодан, найденный в кладовке, и отнесла в подвал. Там, в дальнем углу, она заметила небольшую печь - видимо, раньше здесь была котельная. Печь была ржавой, но дымоход казался целым. Алиса развела огонь - благо, угля в подвале было достаточно - и начала сжигать документы один за другим. Фотографии, письма, отчёты - всё, что могло попасть в руки врага, превращалось в пепел. Она оставила только дневник деда, книгу-кодекс и образцы чёрного янтаря. Всё остальное должно было исчезнуть.

Когда последний лист бумаги превратился в серый пепел, Алиса поднялась обратно в квартиру, чтобы попрощаться. Она обошла все комнаты, постояла у стола деда, провела рукой по корешкам книг, заглянула в спальню, где провела эту странную, полную открытий ночь. Ей было грустно - так, словно она хоронила деда во второй раз. Но она знала, что должна идти дальше.

Перед уходом она сделала одну вещь, которую не плани-

рovala. Она достала из сумки кусочек чёрного янтаря - тот самый, из конверта, - и положила его на стол деда, под лампу с зелёным абажуром. Пусть тот, кто придёт сюда после неё, увидит его и поймёт: Алиса Штерн была здесь. И она вернётся.

Затем она взяла свою куртку, проверила, надёжно ли упакованы дневник и книга-кодекс, и спустилась в подвал. Коридор, ведущий к чёрному ходу, был всё так же тёмн и сыр, но теперь Алиса шла по нему не как беглянка, а как человек, у которого есть цель. Она знала, куда идти. Замок Лохштедт - место первой находки чёрного янтаря. Там должны быть ответы. Там, возможно, спрятан ещё один фрагмент головоломки.

Она выбралась через люк во внутренний двор и, прижимаясь к стенам, двинулась по переулку. Седан остался за поворотом, на улице Шиллера. Наблюдатели не видели её. У неё была фора - несколько часов, может быть, до утра. Она должна была использовать их с максимальной эффективностью.

Город спал. Мартовская ночь дышала холодом и близким морем. Где-то в порту гудел паром, где-то лаяла собака, где-то звучала далёкая музыка - кто-то не спал, слушал радио, думал о своём. Алиса шла по пустынным улицам, и её тень скользила по брусчатке, как призрак, как тень из Альбертины. Она больше не была просто нейросетевым архитектором из Кремниевой долины. Она была наследницей древнего зна-

ния, ключом к машине, способной переписывать реальность. И она ещё не знала, какие испытания ждут её впереди.

Прежде чем уйти, Алиса позволила себе короткий отдых - она понимала, что без сна её мозг, и без того перегруженный информацией, начнёт давать сбои. Она вернулась в гостиную, легла на старый диван, укрылась пледом и закрыла глаза. Сон пришёл почти мгновенно - и снова это был не обычный сон, а что-то иное, пограничное между явью и видением.

Она стояла в том же лесу, что и раньше, но теперь он был другим. Деревья были выше, их кроны уходили в небо, теряясь в золотистом тумане. Воздух был густым и сладким, пахнущим смолой и цветами, которых Алиса никогда не видела. Под ногами стелился мягкий мох, и каждый шаг отдавался в нём тихим, убаюкивающим шорохом. Она шла по лесу, и ей казалось, что она идёт уже очень долго - может быть, целую вечность. Лес не был пустым. В нём обитали существа - не животные и не люди, а что-то среднее, сотканное из света и тени, из памяти и предчувствия. Они скользили между деревьями, не приближаясь, но и не удаляясь, наблюдая за ней.

В центре леса, на поляне, залитой мягким янтарным светом, стояло дерево, которое было больше и старше всех остальных. Его ствол был таким толстым, что его не смогли бы обхватить и десять человек. Его ветви простирались во все стороны, образуя шатёр, под которым мог бы укрыться целый город. И с каждой ветви, с каждой иголки капала смо-

ла - медленно, торжественно, как слёзы. Смола стекала по стволу, собиралась у корней в лужицы, которые светились изнутри тёплым золотым светом. Алиса подошла ближе и увидела, что в каждой капле смолы заключён образ - лицо, пейзаж, событие. Она узнала лицо матери, лицо деда, своё собственное лицо. Увидела офис «НейраЛабс», Приморский карьер, Кафедральный собор, руины замка Лохштедт. Увидела незнакомые места и времена - города, которых нет, людей, которые ещё не родились.

Дерево заговорило с ней - не голосом, а самой сутью. Оно сказала: «Ты пришла, дочь смолы. Ты приняла наследие. Теперь ты - часть нас, а мы - часть тебя. Не бойся. Мы ждали тебя миллионы лет. Мы верили, что однажды родится человек, способный услышать нас. Ты - этот человек. Слушай и запоминай. Время - это круг. Прошрое и будущее - одно и то же. То, что было, будет снова. То, что будет, уже было. Ты стоишь в центре этого круга, и ты можешь изменить его форму. Но помни: каждое изменение имеет цену. Каждая новая ветвь реальности отнимает жизнь у старой. Выбирай мудро». Алиса хотела спросить: «Как выбирать? Как узнать, какое решение правильное?» - но дерево уже таяло, растворялось в золотистом тумане, и сон заканчивался.

Она проснулась от холода. Окно в гостиной было приоткрыто, и ночной ветер шевелил занавески. Часы на стене показывали четыре утра. Алиса села на диване, растирая затёкшие плечи. Сон всё ещё стоял перед глазами - яркий, де-

тальный, не похожий на обычные сновидения. Она чувствовала, что это было не просто сновидение. Это было послание. Мать-Смола говорила с ней - так же, как говорила с Кальпом, с дедом, с другими, кто пытался разгадать её тайну. И теперь Алиса знала то, чего не знал никто из них: время - это круг, и она стоит в его центре.

Она собрала вещи, проверила, не оставила ли следов, и в последний раз обвела взглядом квартиру. Ей вдруг пришла в голову мысль: а что, если дед до сих пор здесь? Не в физическом смысле, а как-то иначе - как отпечаток, как эхо, как информация, записанная в янтаре? В дневнике он писал, что чёрный янтарь способен сохранять сознание после смерти. Возможно, он не ушёл до конца. Возможно, он ждёт, когда она соберёт Пси-призму и сможет услышать его голос.

Эта мысль придала ей сил. Она больше не боялась. Она была готова. Алиса Штерн, нейросетевой архитектор, наследница Кёнигсберга-13, дочь смолы, спустилась в подвал и скрылась в лабиринте подземных ходов, унося с собой дневник, книгу-кодекс и образцы чёрного янтара. Она шла навстречу рассвету - и навстречу новой главе своей жизни, которая должна была начаться у руин замка Лохштедт.

Глава 3: Призрак замка Лохштедт

Алиса выбралась из подземного хода в переулке за домом и остановилась, чтобы сориентироваться. Небо на востоке уже начало светлеть, но улицы ещё тонули в предрассветных

сумерках - том особенном, зыбком состоянии, когда ночь уже уходит, а день ещё не наступил, и все предметы кажутся немного нереальными, словно нарисованными на марле. Она сверилась с картой, которую предусмотрительно захватила из архива деда: замок Лохштедт находился в пятнадцати километрах к северо-востоку от Калининграда, на берегу Калининградского залива. Общественный транспорт туда не ходил - по крайней мере, в такое раннее время, - а брать такси значило засветить своё местоположение. Оставался единственный вариант: идти пешком, а там, возможно, поймать попутку.

Она двинулась по пустынным улицам, обходя центр города стороной. Ей не хотелось попадаться на глаза ни наблюдателям из «Балтийского ИИ», ни полиции, ни случайным прохожим, которые могли её запомнить. Маршрут она проложила заранее, ещё ночью, изучая карту: через Амалиенау, мимо старых немецких вилл, затем через окраины, где город постепенно переходит в промзону, а промзона - в пустоши, и, наконец, по берегу залива к руинам. Путь неблизкий, но Алиса была в хорошей физической форме - годы бега по утрам и редкие походы в горы сделали своё дело.

Утренний Калининград был прекрасен в своей суровой, северной красоте. Облетевшие липы, мокрая брусчатка, островерхие крыши, выступающие из тумана, как носы кораблей. В воздухе пахло морем - тем особым балтийским запахом, в котором смешиваются водоросли, соль и едва улови-

мая сладость, напоминающая о том, что где-то рядом перерабатывают янтарь. Алиса шагала по тротуару, и её шаги гулко отдавались в тишине. Она думала о том, что рассказал ей ночной гость - Эвальд фон Кессель, Смотритель, последний из Круга Альбертины. Кто он такой? Почему помогает ей? И почему дед никогда не упоминал о нём в дневнике - по крайней мере, в тех частях, которые она успела прочитать?

Ответов пока не было, но интуиция подсказывала, что Эвальд - союзник. По крайней мере, на данном этапе. Кодекс Альбертины, который он ей передал, был настоящим - Алиса проверила несколько страниц, сличив их с фотографией из архива деда. Символы совпадали. Значит, курьер не солгал. И всё же Алиса решила быть осторожной. В мире, где информация может быть оружием, доверять нельзя никому - даже тем, кто представляется друзьями.

Она миновала Амалиенау - район старых вилл, построенных в начале XX века для состоятельных кёнигсбержцев. Многие из них были отреставрированы, но некоторые стояли заброшенными, с заколоченными окнами и облупившейся штукатуркой. В одном из таких домов, по словам деда, жил когда-то Теодор Кальп - алхимик, создавший первую Пси-призму. Алиса замедлила шаг, вглядываясь в тёмные окна, словно надеясь увидеть там отблеск прошлого. Но дом молчал, храня свои тайны.

За Амалиенау началась промзона - серые коробки складов, ржавые ангары, заборы с колючей проволокой. Здесь

уже не было той мрачной красоты, что в центре; здесь царил утилитарная, бездушная архитектура позднего советского времени. Алиса ускорила шаг, стараясь быстрее миновать этот неуютный ландшафт. Вдалеке, над крышами, она заметила дымящие трубы Янтарного комбината - того самого, куда ей предстояло проникнуть в ближайшие дни. Но сейчас её целью был замок.

К замку Лохштедт она добралась около восьми утра, когда солнце уже поднялось над горизонтом и туман начал рассеиваться. Руины стояли на невысоком холме над заливом, и издали казались просто нагромождением камней. Но чем ближе Алиса подходила, тем отчётливее проступали очертания древней крепости: остатки стен, сложенных из красного кирпича, полуобвалившаяся башня, заросшие плющом арки, провалы подвалов, зияющие, как открытые раны. Замок был построен тевтонскими рыцарями в XIII веке как форпост на берегу залива и за свою долгую историю успел побывать и крепостью, и тюрьмой, и складом, и каменоломней - местные жители веками разбирали его на кирпичи для своих домов. Теперь от бывшего величия остались лишь руины, но даже в этом плачевном состоянии они впечатляли.

Алиса поднялась по склону холма и остановилась у входа - вернее, у того, что когда-то было входом. Массивные ворота давно исчезли, осталась только арка, сложенная из потемневшего от времени кирпича. На камнях росли мхи и лишайники, придавая кладке зеленоватый, болезненный отте-

нок. В воздухе пахло сыростью, прелыми листьями и чем-то ещё - едва уловимым, напоминающим запах чёрного янтаря. Алиса достала из сумки кусочек янтаря, который носила с собой как талисман, и сжала его в ладони. Искра внутри камня вспыхнула ярче - словно он почувствовал что-то, отреагировал на близость родственной субстанции.

Она вошла под арку и оказалась во внутреннем дворе замка - точнее, в том, что от него осталось. Пространство было завалено обломками кирпича, кусками штукатурки, ржавыми железными балками. Кое-где из-под мусора пробивалась трава - чахлая, бледная, но живая. В центре двора росло дерево - старая липа, которая каким-то чудом уцелела среди всего этого разрушения. Её ствол был изогнут, ветви перекручены, но она цвела - жёлтые цветы, едва заметные среди голых ещё ветвей, источали нежный, медовый аромат.

Алиса подошла к дереву и коснулась его коры. Она не знала, зачем это сделала, - просто почувствовала, что так нужно. Кора была тёплой, несмотря на утренний холод. И в этот момент она снова услышала тот самый низкочастотный гул, который впервые уловила в самолёте. Он шёл из-под земли, из глубины холма, на котором стоял замок. Гул вибрировал в её грудной клетке, отдавался в зубах, заставлял кости дрожать. Это не было неприятно - скорее, тревожно. Как будто кто-то или что-то внизу дышало, ожидая её.

Она обошла руины по периметру, внимательно осматривая каждый угол. Дед упоминал, что именно здесь, в подвале

замка, был найден первый образец чёрного янтаря - тот самый К-0, с которого начались все исследования. Если повезёт, она сможет найти какие-то следы той давней экспедиции 1962 года. Или, что ещё важнее, - вход в подземелья, которые, согласно карте, должны находиться под замком.

Осмотр занял около часа. Алиса нашла остатки лестницы, ведущей в подвал, но она была завалена обломками так плотно, что расчистить их в одиночку не представлялось возможным. Она нашла несколько фрагментов старой керамики - возможно, средневековой, - и даже монету, настолько затёртую, что невозможно было определить её возраст. Но главное - она нашла ту самую аномалию, которую упоминал план: на заросшей мхом стене в северной части замка явно проступала современная бетонная заплатка. Кто-то замуровал проход совсем недавно - может быть, несколько лет, может быть, десятилетий назад. И этот кто-то явно не хотел, чтобы сюда заходили.

Алиса начала расчищать мох вокруг заплатки, пытаясь понять её размеры. Бетон был грубым, непрофессионально замешанным, с вкраплениями гальки и кусками кирпича. Но за ним явно что-то скрывалось - возможно, та самая вентиляционная шахта, которую дед описал в дневнике. Внезапно она почувствовала, что за ней наблюдают. Не как раньше - скрытой камерой или через бинокль, - а вблизи, из-за спины. Алиса обернулась и увидела его.

Человек в сером пальто стоял метрах в двадцати от неё, у

входа в замок. Тот самый, из описания деда, - хотя Алиса не могла быть уверена, что он тот самый. Среднего роста, худощавый, с неприметным лицом, которое, казалось, специально создано для того, чтобы не запоминаться. На нём были интеллектуальные очки - громоздкие, явно военного образца, с дополнительными линзами по бокам. Очки слабо мерцали синим светом - они работали, записывали, анализировали. Алиса замерла, чувствуя, как внутри поднимается волна адреналина. Бежать? Драться? Но человек не двигался. Он просто стоял и смотрел на неё, как смотрят на экспонат в музее - с холодным, бесстрастным интересом.

- Вы Алиса Штерн, - произнёс он на чистом английском с лёгким акцентом. - Я знаю, кто вы. Я знаю, что вы ищете. Я здесь не для того, чтобы вам мешать. Я здесь, чтобы предупредить. - Он замолчал, словно подбирая слова. - Замок опасен. Под ним - не просто подвал. Под ним - гнездо. Вы потревожили его своим присутствием. Оно уже проснулось и теперь ждёт. Если вы спуститесь вниз, вы можете не вернуться.

Алиса нахмурилась, пытаясь переварить услышанное. Гнездо? Что ещё за гнездо? И кто этот человек? Почему он предупреждает её, а не пытается остановить силой, как можно было ожидать от агента «Балтийского ИИ»?

- Кто вы? - спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Вы работаете на Гофмана?

Человек усмехнулся - сухо, почти беззвучно.

- Я работаю на тех, кто был здесь до Гофмана. Меня зовут Соколов. Я... был коллегой вашего деда. Давно. Очень давно.

- Он снял очки, и Алиса увидела его глаза - серые, усталые, с красными прожилками, как у человека, который давно не спит.

- Я был волонтером в эксперименте № 47. Тем самым, который предсказал 2024 год. После этого я не могу спать. Я вижу будущее каждую ночь, и оно не становится лучше от того, что я его знаю.

Алиса отшатнулась, не веря своим ушам. Волонтер из эксперимента № 47 - жив? Ему должно было быть как минимум под восемьдесят, но этот человек выглядел лет на шестьдесят, не старше. Как такое возможно?

- Эффект чёрного янтаря, - объяснил Соколов, заметив её удивление. - Он замедляет старение. Плата за бессонницу. Я не сплю уже пятьдесят шесть лет. И каждую ночь я вижу то, что должно произойти. Иногда это дар. Чаще - проклятие. Я знал, что вы придёте. Знал, что вы будете здесь сегодня утром. Знал, что вы найдёте эту заплатку. Но я не знаю, что случится, если вы спуститесь вниз. Эта ветвь реальности ещё не сформировалась. Она... мерцает.

Соколов присел на обломок стены и жестом пригласил Алису последовать его примеру. Она колебалась - доверять этому странному человеку, который утверждал, что не спит полвека, было бы безумием. Но что-то в его голосе, в его усталых глазах заставляло её поверить ему. Она села на соседний камень, держась на безопасном расстоянии.

- Расскажите мне об эксперименте, - попросила она. - Что вы видели там, в чёрном янтаре? И почему вы предупреждаете меня сейчас?

Соколов долго молчал, глядя на залив, подёрнутый утренней дымкой. Потом заговорил - медленно, с паузами, словно каждое слово давалось ему с трудом.

- Меня подключили к монолиту в марте 1968 года. Я был молодым лейтенантом, служил в охране лаборатории. Мне сказали, что это эксперимент по изучению воздействия электромагнитных полей на мозг. Я согласился - из патриотизма, из любопытства, из глупости. Меня усадили в кресло, надели на голову шлем с оптическими датчиками и включили аппарат. То, что я увидел, нельзя описать словами. Я видел всё. Всю историю Земли, от Большого взрыва до тепловой смерти Вселенной. Я видел, как рождаются и умирают галактики, как формируются планеты, как на Земле появляется жизнь. Я видел динозавров, видел первых людей, видел, как строились пирамиды и как горел Рим. Я видел будущее - то, которое наступит через сто лет, через тысячу, через миллион. И я понял: всё, что мы считаем реальностью, - лишь одна из бесчисленных вероятностей. Мы живём в мультиверсе, где каждое событие порождает бесконечное количество новых ветвей. И чёрный янтарь - это инструмент для навигации в этом мультиверсе.

Он перевёл дыхание и продолжил:

- Но есть проблема. Навигация меняет карту. Каждый раз,

когда кто-то использует янтарь для предсказания будущего, он создаёт новую реальность. И эти реальности начинают конфликтовать друг с другом. Мы называем это «рябью». Сейчас, здесь, в Калининграде, рябь достигла критической точки. Гофман, сам того не понимая, приближает коллапс. Если он запустит свою версию Комнаты на полную мощность, несколько реальностей схлопнутся в одну, и мы все исчезнем - не умрём, а просто перестанем существовать, потому что наша ветвь будет стёрта.

Алиса слушала, и холод пробежал у неё по спине. То, о чём говорил Соколов, совпадало с тем, что она прочитала в дневнике деда и в Кодексе Альбертины. Мультиверс. Вероятностные ветви. Коллапс. Это не было бредом сумасшедшего - это была стройная, логичная теория, объяснявшая все аномалии чёрного янтаря.

- Почему вы рассказываете это мне? - спросила она. - Почему не попытались остановить Гофмана сами?

Соколов покачал головой.

- Я пробовал. Много раз. Я предупреждал вашего деда. Предупреждал Кальпа - да, я видел и его, в одной из симуляций. Но каждый раз что-то шло не так. Возможно, я сам - часть проблемы. Возможно, мои вмешательства только усугубляют рябь. Поэтому теперь я решил просто наблюдать. И предупредить вас - потому что вы, в отличие от других, способны не только слышать, но и слушать.

Алиса хотела задать ещё вопрос - о гнезде, о том, что

скрывается под замком, - но не успела. Соколов внезапно встал и начал отступать к выходу.

- Время истекло, - сказал он. - Меня ищут. Люди Барона уже знают, что я здесь. Если они найдут меня с вами, вам конец. Уходите. Не спускайтесь в подвал сегодня - вы ещё не готовы. Вернитесь сюда, когда соберёте Пси-призму. Только она сможет защитить вас от того, что внизу. - Он бросил ей какой-то предмет. - Это поможет вам найти то, что ищете.

Алиса поймала его - это был маленький янтарный шарик, внутри которого плавала чёрная точка. Она уже видела такой - на лобовом стекле своей машины после первого визита в замок. Предупреждение. Или приглашение. Соколов уже исчезал в тумане, который снова начал сгущаться над заливом.

- Подождите! - крикнула она. - Что вы имеете в виду - «я ещё не готова»? Как мне подготовиться?

Но ответа не последовало. Соколов растворился в тумане, как призрак, как тень из Альбертины, как ещё одна неразгаданная загадка этого странного города. Алиса осталась одна посреди руин, сжимая в ладони янтарный шарик. Она посмотрела на него и увидела, что чёрная точка внутри медленно пульсирует, словно живое сердце. Что это? Навигатор? Ключ? Или - как сказал Соколов - часть проблемы?

Она спрятала шарик в карман и ещё раз обошла руины, проверяя, не осталось ли каких-то следов Соколова. Но его уже не было - ни в замке, ни на склоне холма, ни на дороге, ведущей к городу. Исчез, как и не было. И вдруг Алиса по-

няля: а был ли он вообще? Может быть, это галлюцинация, вызванная воздействием чёрного янтаря? Но нет - шарик в кармане был реальным, твёрдым, тяжёлым. И слова Соколова были слишком конкретными, чтобы быть плодом воображения. Он знал то, что знала только она - и ещё несколько человек, большинство из которых уже мертвы.

Оставшись одна, Алиса вернулась к бетонной заплатке. Слова Соколова о «гнезде» не испугали её - скорее, разожгли любопытство. Что скрывается под замком? Почему дед начал свои поиски именно здесь? И что значит «вы ещё не готовы»? Она решила, что не полезет в шахту без подготовки, но хотя бы попытается понять, с чем имеет дело. Она достала из сумки фонарик - маленький, но мощный, армейского образца, купленный ещё в Сан-Хосе для ночных пробежек, - и начала осматривать заплатку более тщательно.

Бетон был старым, но не настолько старым, как сама кладка замка. Алиса оценила его возраст примерно в десять-пятнадцать лет - то есть заплатка появилась здесь уже после смерти деда. Кто-то продолжал его работу. Или, наоборот, пытался скрыть её следы. Она провела рукой по поверхности бетона и заметила, что он не монолитный - в центре заплатки была едва заметная щель, заполненная каким-то герметиком. Алиса нажала на щель, и герметик поддался, открывая небольшую полость. Внутри что-то лежало.

Она посветила фонариком и увидела металлическую коробочку - старую, ржавую, похожую на те, в которых раньше

хранили фотоплёнку. Алиса аккуратно извлекла её и открыла. Внутри был микрофильм - чёрно-белый, с мелкими кадрами, которые без специального оборудования не прочесть. Но вместе с микрофильмом в коробочке лежала записка, написанная всё тем же знакомым почерком деда: «Если ты нашла это, значит, ты идёшь по моим следам. Здесь, в замке, я нашёл первый ключ. Ищи второй в цехе № 9. Торопись. Время не ждёт».

Алиса перечитала записку дважды. Деда не было в живых уже несколько дней, но его сообщения продолжали появляться в самых неожиданных местах, как будто он планировал всё это заранее. Как будто он знал, что она будет здесь, у этой стены, в это утро. Знал - потому что видел? Потому что чёрный янтарь показал ему будущее, в котором его внучка продолжит его дело?

Она спрятала микрофильм и записку в сумку и решила, что пора уходить. Солнце уже поднялось высоко, и руины перестали быть укрытием - теперь они были открытой площадкой, на которой её легко могли заметить. Она спустилась с холма и направилась обратно к городу, но другим путём - по берегу залива, где меньше шансов встретить людей.

Берег был пустынным и ветреным. Волны с тихим шелестом накатывали на песок, оставляя после себя пену и мелкие обломки янтаря - крошку, которую море выбрасывало на берег в особенно сильные штормы. Алиса шла по кромке воды, и ей казалось, что она идёт по границе миров - между

сушей и морем, между прошлым и будущим, между реальностью и симуляцией. Всё, что она узнала за последние дни, смешалось в её голове в причудливый узор, напоминающий тот, что она видела в файле spectrogram_final.dat.

Она думала о деде. О том, как он, молодой геолог, нашёл первый кусок чёрного янтаря в подвале этого замка. Что он почувствовал, когда камень впервые заговорил с ним? Испугался? Обрадовался? Понял ли он сразу, что это изменит всю его жизнь? Алиса попыталась представить себя на его месте - но не смогла. Её опыт был слишком другим. Она пришла к тайне не как первооткрыватель, а как наследница, получившая ключи от уже готовой головоломки. Но, возможно, это и к лучшему. У неё было преимущество, которого не было у деда: она знала, что ищет.

Она думала о Соколове. О человеке, который не спит полвека и каждую ночь видит будущее. Как он выдерживает это? Как не сошёл с ума? Или, может быть, сошёл - просто его безумие настолько системно, что кажется логичным? Алиса вспомнила его глаза - серые, усталые, с красными прожилками. В них была мудрость, но была и боль. Боль человека, который знает слишком много и не может ничего изменить. Она дала себе слово, что, если выживет во всей этой истории, обязательно найдёт Соколова и попытается помочь ему. Может быть, её знание нейросетей позволит создать интерфейс, который снизит нагрузку на его мозг. Может быть, Пси-призма - это не только инструмент для чтения янтаря,

но и лекарство.

Она думала о Гофмане. О человеке, которого никогда не видела, но который уже стал её главным врагом. Кто он? Чего он хочет на самом деле? В дневнике деда он описан как безумец, мечтающий стать богом. Но Алиса, как специалист по искусственному интеллекту, знала, что люди, стремящиеся к абсолютной власти, часто руководствуются не только амбициями, но и страхом. Чего боится Гофман? И можно ли использовать этот страх против него?

Она вернулась в Калининград к полудню. Город жил своей обычной жизнью: по улицам спешили прохожие, гремели трамваи, из кафе доносился запах кофе и свежей выпечки. Никому не было дела до одинокой женщины с рюкзаком, которая шла по тротуару, засунув руки в карманы и глядя себе под ноги. Алиса чувствовала себя призраком - невидимой, неосязаемой, существующей в параллельной реальности, которая лишь краем соприкасается с обычным миром.

Ей нужно было где-то остановиться. Возвращаться в квартиру деда было опасно - люди Гофмана наверняка уже обыскали её и, возможно, устроили засаду. Гостиница тоже не годилась: все гостиницы в городе, скорее всего, были под контролем «Балтийского ИИ». Оставался один вариант - найти убежище там, где её никто не будет искать. И она знала такое место. Старый цех № 9 Янтарного комбината, который дед называл «Сердцем колосса».

Но, прежде чем отправиться туда, Алисе нужно было ре-

шить ещё одну проблему. У неё закончились наличные, а банковские карты использовать было нельзя - их отследят мгновенно. Она вспомнила, что дед держал некоторую сумму наличными в квартире - в жестяной банке из-под чая, на кухне, в дальнем углу шкафчика над плитой. Она видела эту банку вчера, когда осматривала квартиру, но не обратила на неё внимания. Теперь ей придётся вернуться - быстро, скрытно, через подвал, - чтобы взять деньги и исчезнуть.

Она прошла к дому на Шиллера кружным путём, проверяя, нет ли слежки. Седана на прежнем месте не было - возможно, наблюдатели решили, что она уже покинула город. Алиса проскользнула в подъезд, поднялась на второй этаж и открыла дверь своим ключом. Квартира встретила её прежним запахом - табак, книги, сладковатый аромат янтаря. Всё было на своих местах, за исключением одной детали: бумаги на столе были разложены иначе, чем она их оставила. Кто-то побывал здесь. Обыск проводили профессионалы - они старались не оставлять следов, но небольшое смещение стопки документов выдало их.

Алиса быстро прошла на кухню, нашла жестянку с деньгами - в ней лежало около ста тысяч рублей, сумма, достаточная для скромной жизни на несколько недель, - и сунула её в рюкзак. Затем она спустилась в подвал и выбралась через чёрный ход, оставив квартиру навсегда.

Вернувшись в подвал, она решила ещё раз осмотреть его при свете дня - вернее, при свете фонарика, потому что днев-

ной свет почти не проникал в это подземелье. Она шла по коридору, который соединял подвал её дома с подвалом соседнего, и вдруг заметила то, чего не заметила раньше. На стене, среди копоти и плесени, были нацарапаны какие-то знаки. Она поднесла фонарик ближе и разобрала слова - на немецком, готическим шрифтом, выведенные явно не профессиональным гравёром, а обычным человеком, возможно, ножом или гвоздём: «Wer die Zeit berechnet, den berechnet die Zeit». «Кто вычисляет время, того время вычисляет».

Алиса перечитала эту фразу несколько раз. Она была созвучна тому, что она услышала от «Мозга» в своём видении: «Когда ты научилась вычислять время, время начало вычислять тебя». Кто написал это? Когда? И почему здесь, в подвале, который соединяет старые немецкие дома? Может быть, этот коридор существовал не всегда - может быть, его прорыли специально, чтобы соединить убежища, во время войны. И кто-то, прятавшийся здесь от бомбёжек, оставил это послание - предупреждение тем, кто придёт после.

Она достала телефон и сфотографировала надпись. Потом пошла дальше, внимательно осматривая стены. И нашла ещё одну надпись, на этот раз на русском: «Не открывайте шлюз». И дата: 12 марта 1968 года. День эксперимента № 47. День, когда Соколов вошёл в контакт с чёрным янтарём и перестал спать. День, когда что-то пошло не так - и это «что-то» каким-то образом было связано с подземными коммуникациями Калининграда.

Алиса стояла в темноте, глядя на эти слова, и чувствовала, как мурашки бегут по коже. Город, в который она приехала хоронить деда, оказался не просто городом. Он был живым организмом. Под его улицами, под его домами, под его руинами текла невидимая река - не воды, а информации, - и тот, кто пытался управлять ею, рисковал быть поглощённым. Дед рискнул - и погиб. Соколов рискнул - и потерял сон. Теперь её очередь.

Алиса выбралась из подвала на параллельную улицу и пошла прочь от центра, в сторону Янтарного комбината. Она знала, что рано или поздно ей придётся проникнуть в цех № 9, который дед назвал «Сердцем колосса», и найти монокристаллы чёрного янтаря, необходимые для сборки Пси-призмы. Без них все её знания и находки были бесполезны - она оставалась лишь беглянкой с рюкзаком, полным загадок, но без инструментов для их решения.

Но, прежде чем идти на комбинат, ей нужно было подготовиться. Нужно было изучить микрофильм, найденный в тайнике. Нужно было расшифровать записи деда, касающиеся цеха № 9. Нужно было понять, кто такой Соколов на самом деле и можно ли ему доверять. И, самое главное, - нужно было отдохнуть. Она не спала почти двое суток, если не считать короткого забытья в квартире деда, и силы были на исходе.

Она нашла маленькую гостиницу на окраине, где не спрашивали документов, и сняла номер на ночь, заплатив налич-

ными. В номере было чисто, но убого: узкая кровать, стол, стул, умывальник с треснувшим зеркалом. Алиса закрыла дверь на щеколду, проверила, нет ли в комнате скрытых камер, и позволила себе наконец расслабиться. Она легла на кровать и закрыла глаза, чувствуя, как тело наливается свинцовой усталостью.

Сон пришёл мгновенно, и на этот раз он не был ни вещим, ни тревожным. Она просто спала - впервые за много дней - без сновидений, без голосов, без золотых сетей и янтарных лесов. Ей нужно было это забытьё, чтобы восстановить силы перед тем, что ждало её впереди.

Проснулась она через десять часов, бодрая и готовая действовать. За окнами снова темнело - она проспала весь день и теперь смотрела на закат, окрашивающий небо над Калининградом в оранжевые и розовые тона. Она умылась, переделась в чистое бельё, которое предусмотрительно захватила из квартиры, и села за стол, чтобы изучить микрофильм.

Увеличительного стекла у неё не было, но она нашла выход: использовала камеру телефона с макрообъективом, чтобы сфотографировать кадры микрофильма и увеличить их на экране ноутбука. Изображение было зернистым, но читаемым. На первом кадре - заголовок: «Лаборатория К-13. Эксперимент № 47. Протокол допроса волонтера С. 13 марта 1968 года». Алиса перевела дыхание. Протокол допроса Соколова - тот самый, который был засекречен и уничтожен. Но дед сохранил копию.

Она читала дальше. «Вопрос: что вы видели во время контакта с монолитом? Ответ: Я видел всё. Прошное Земли. Будущее Земли. Все вероятностные ветви, расходящиеся от каждой точки выбора. Их бесконечно много, но все они сходятся в одной точке - в 2024 году. Там происходит что-то, что я не могу разглядеть. Что-то, что решает всё. Я вижу женщину, стоящую на берегу моря. Она держит в руке чёрный камень. От неё исходит свет, который расходится по всем ветвям, и они начинают схлопываться. Исчезать. Остаётся только одна - та, в которой мы находимся сейчас. Эта женщина - ключ. Она - точка сборки. Если она сделает правильный выбор, реальность устоит. Если ошибётся - всё исчезнет». На этом протокол обрывался. Дальше - только пометка: «Волонтер С. выведен из эксперимента. Рекомендовано наблюдение в условиях стационара. Прогноз: неблагоприятный».

Алиса долго смотрела на экран, переваривая прочитанное. Женщина на берегу моря с чёрным камнем - это она. Соколов видел её ещё в 1968 году, за двадцать два года до её рождения. Видел и запомнил - настолько чётко, что узнал её сейчас, в руинах замка. Поэтому он говорил с ней. Поэтому предупредил. Он знал - или догадывался, - что она и есть та самая «точка сборки», от которой зависит судьба реальности.

И ещё одно. В протоколе упоминалось, что ветви начинают схлопываться в 2024 году. Сейчас был 2024 год. Значит, решающий момент близок. Возможно, он уже наступил - и

она, сама того не зная, уже делает тот самый выбор, от которого зависит всё.

Алиса отложила ноутбук и достала из сумки дневник деда. Она нашла запись, относящуюся к цеху № 9. «Цех № 9, или Сердце колосса - так его называли рабочие. Там, в 1970-х, была найдена гигантская глыба чёрного янтаря - та самая, которую позднее назовут „Мозгом“. Глыбу извлекли из карьера и поместили в цех для изучения. Но в 1974 году, после закрытия лаборатории, цех опечатали, а глыбу спрятали. Я пытался найти её много лет, но безуспешно. Однако у меня есть предположение: она всё ещё там, в подвале цеха, залитая бетоном. Если ты сможешь проникнуть в цех и найти глыбу, ты получишь самый мощный из известных мне источников янтарной информации. Будь осторожна: цех охраняется. Не столько людьми, сколько чем-то иным. Энергия „Мозга“ создаёт вокруг себя поле, которое вызывает галлюцинации и дезориентацию. Без защиты ты рискуешь потеряться в собственных видениях».

Алиса закрыла дневник и задумалась. Проникнуть на территорию Янтарного комбината будет непросто. Но у неё был план. В одном из ящиков стола деда она нашла пропуск - старый, советского образца, но, возможно, ещё действующий, если база данных не обновлялась. Она также знала расположение цеха № 9 из записей деда и могла попытаться пробраться туда под видом туристки - на комбинате, как она выяснила, проводятся экскурсии для посетителей. Оторваться

от группы, найти старый цех и проникнуть внутрь - задача рискованная, но выполнимая. Алиса решила, что отправится на комбинат завтра утром, с первой же экскурсией.

А пока - последняя ночь перед новым этапом её путешествия. Она проверила, надёжно ли заперта дверь, и снова легла на кровать, глядя в потолок. Перед её внутренним взором проносились образы: руины замка, лицо Соколова, бетонная заплатка, микрофильм, слова из протокола. Всё это складывалось в мозаику, у которой пока не хватало нескольких фрагментов. Но Алиса чувствовала, что эти фрагменты где-то рядом - возможно, в цехе № 9, возможно, в подземельях под островом Канта, возможно, в самом «Мозге». Ей оставалось только идти вперёд.

Лёжа в темноте гостиничного номера, Алиса позволила себе предаться воспоминаниям. Она думала о том, как впервые увидела деда после долгой разлуки - не здесь, в Калининграде, а в Стэнфорде, когда ей было двенадцать. Он приехал на конференцию по минералогии - так он сказал матери, но Алиса теперь подозревала, что конференция была лишь предлогом. На самом деле он приехал, чтобы увидеть её. Чтобы проверить, как она растёт. Чтобы убедиться, что мутация, которую он отследил в её крови, развивается правильно.

Они провели вместе три дня, пока мать была в командировке. Дед водил её в парк аттракционов, кормил мороженым, рассказывал свои бесконечные истории о янтаре. Алиса

помнила одну из них особенно ярко. «Представь себе, Алёнушка, - говорил он, держа в руке маленький кусочек золотистого янтаря, - что эта капля смолы упала с дерева пятьдесят миллионов лет назад. Она застыла, но не умерла. Она сохранила в себе всё, что видела, слышала, чувствовала. Если ты согласишься на неё правильно, ты увидишь тот самый день, когда она упала. Ты увидишь небо, которое было над Землёй пятьдесят миллионов лет назад. Ты увидишь солнце, которое светило динозаврам. Ты увидишь прошлое как настоящее». Тогда Алиса смеялась и думала, что дед шутит. Теперь она понимала: он не шутил. Он рассказывал ей о том, что знал наверняка.

В другой раз, когда они сидели на скамейке у фонтана, он вдруг стал серьёзным. «Знаешь, почему я назвал тебя Алисой?» - спросил он. Она помотала головой. «Потому что ты - как Алиса в Стране чудес. Ты способна видеть то, чего не видят другие. Ты способна проходить сквозь зеркала. Но помни: Зазеркалье - опасное место. Там действуют другие законы. И если ты не будешь осторожна, ты можешь заблудиться в нём навсегда». Тогда она не поняла, что он имел в виду. Теперь - понимала слишком хорошо.

Алиса смахнула слезу, которая неожиданно скатилась по щеке. Она скучала по деду. Скучала по тому человеку, которого почти не знала, но который, как оказалось, был рядом с ней всю жизнь - в её снах, в её интуиции, в её странной способности видеть паттерны там, где другие видели хаос. Те-

перь его не стало, но его миссия продолжалась. И она, Алиса, была той, кто должен был завершить её.

Алиса села на кровати и включила ноутбук. Она больше не могла действовать спонтанно, полагаясь на интуицию и удачу. Ей нужен был план - чёткий, продуманный, с запасными вариантами на случай провала. Она открыла файл с заметками и начала набрасывать структуру своих дальнейших действий.

Первое. Проникнуть на Янтарный комбинат под видом туристки и найти старый цех № 9. Там, по словам деда, хранились не только запасы янтаря, но и старые станки для шлифовки линз, необходимые для сборки Пси-призмы. Если повезёт, она сможет найти и монокристаллы чёрного янтаря - достаточно крупные, чтобы выточить из них линзы. Если нет - придётся искать другие источники.

Второе. Собрать Пси-призму и протестировать её на имеющихся образцах. Если устройство заработает, она сможет прочитать информацию, записанную в чёрном янтаре, и, возможно, найти ответы на главные вопросы: где находится оригинальная Янтарная комната? Кто её создал? И как остановить Гофмана?

Третье. Найти Смотрителя - Эвальда фон Кесселя - и получить доступ к подземельям под островом Канта. Там, согласно Кодексу Альбертины, спрятан оригинал дневника Кальпа и, возможно, другие артефакты. Без них она не сможет полностью расшифровать код Комнаты.

Четвёртое. Остановить Гофмана. Это был самый сложный и самый неопределённый пункт плана. Алиса не знала, сколько у него ресурсов, сколько людей, насколько далеко он продвинулся в создании своей версии Комнаты. Ей нужна была информация - и союзники. Возможно, Соколов станет одним из них. Возможно, ЕКА, с которым она ещё не связалась. Возможно, кто-то ещё, о ком она пока не знала.

Пятое. Выжить. Это был самый важный пункт.

Когда часы на телефоне показали полночь, Алиса решила на то, чего не делала с момента прилёта в Калининград. Она позвонила Маркусу. Не по корпоративной связи, которая наверняка прослушивалась, а по защищённому каналу, который она сама спроектировала для экстренных случаев. Три гудка - и на том конце ответили.

- Алиса? - Голос Маркуса звучал встревоженно. - Ты где? Что происходит? Ты исчезла, не предупредив. В компании паника, клиенты требуют объяснений. Я прикрываю тебя, как могу, но мне нужно знать, что сказать.

- Маркус, послушай меня внимательно, - перебила она. - Я не могу сейчас всё объяснить. Это слишком долго и слишком опасно. Скажи им, что у меня семейные обстоятельства, что я взяла неоплачиваемый отпуск, что я свяжусь с ними, когда смогу. Но самое главное - не пытайся меня искать. Не звони на этот номер. Не пиши на почту. Ничего не делай. Просто жди. Если через две недели я не выйду на связь... - она запнулась. - Тогда, возможно, тебе стоит обратиться в

ФБР. Но не раньше.

- В ФБР? Алиса, что за чертовщина? Ты меня пугаешь.

- Так надо. Просто поверь мне. Я занимаюсь кое-чем важным. Возможно, самым важным в моей жизни. Если получится - я расскажу тебе всё. Если нет... - Она не закончила фразу. - Береги себя, Маркус. Ты был хорошим другом.

Она нажала «отбой» и выключила телефон. Говорить больше было не о чем. Маркус остался в другом мире - мире, где самой большой проблемой была нейросеть для сингапурского клиента. Теперь этот мир казался ей далёким, почти нереальным. Она пересекла границу - и обратного пути не было.

Последние часы перед рассветом Алиса провела без сна. Она ещё раз перечитала записи деда о комбинате, изучила схему расположения цехов, которую нашла в его архиве, и мысленно отрепетировала свой маршрут. Главный вход, экскурсионная группа, отстать от группы, проскользнуть в запретную зону, найти цех № 9. Если повезёт - никто не заметит. Если нет - придётся импровизировать.

В восемь утра она вышла из гостиницы и направилась к автобусной остановке, от которой отправлялись экскурсионные автобусы на Янтарный комбинат. У неё был билет, купленный заранее через интернет - на имя Анны Петровой, одной из её старых школьных подруг, которая давно жила в Москве и ничего не знала об этой авантюре. Легенда была проста: туристка из Москвы, интересуется янтарём, хочет

увидеть производство. Одежда соответствующая - неброская, удобная для долгих прогулок. В рюкзаке - только самое необходимое: фонарик, немного еды, вода, дневник, книга-кодекс, образцы янтаря. Никаких документов, удостоверяющих личность Алисы Штерн.

Автобус был полон - человек тридцать, в основном пожилые пары и школьники с учителями. Экскурсовод, бойкая женщина средних лет, всю дорогу рассказывала об истории добычи янтаря в Калининградской области, и Алиса слушала её вполуха, думая о своём. Когда автобус подъехал к проходной комбината, она надела на лицо маску спокойного любопытства и приготoвилась к игре.

Глава 4: Корпорация «Балтийский ИИ»

Здание «Балтийского ИИ» возвышалось над Калининградом как маяк новой эпохи - сорокаэтажная башня из стекла и стали, построенная на фундаменте старого немецкого банка, взорванного в сорок пятом и простоявшего в руинах полвека. Архитектор, нанятый Гофманом, сознательно спроектировал небоскрёб так, чтобы он контрастировал с окружающей застройкой: на фоне приземистых хрущёвок и облупленных особняков Амалиенау эта сверкающая игла выглядела как космический корабль, приземлившийся посреди исторического центра. Местные жители невзлюбили здание сразу - одни называли его «зубом дракона», другие «гвоздём в крышке гроба старого Кёнигсберга», - но Гофману было

плевать на общественное мнение. Он строил не для города. Он строил для себя.

В это самое утро, когда Алиса садилась в экскурсионный автобус до Янтарного комбината, на тридцать восьмом этаже небоскрёба, в зале заседаний совета директоров, шло совещание. Зал был отделан панелями из прессованного янтаря - не того дешёвого, что идёт на сувениры, а особого, «технического», который корпорация производила на своём экспериментальном заводе. Панели мерцали в свете скрытых светильников, создавая иллюзию, что стены живут собственной жизнью. Посреди зала стоял длинный стол из чёрного стекла, за которым сидели двенадцать человек - совет директоров «Балтийского ИИ», собранный Гофманом со всего мира. Здесь были бывшие топ-менеджеры Google и Apple, отставные генералы НАТО, профессора MIT и Оксфорда, один нобелевский лауреат по физике и пара людей, чьи имена не значились ни в одном публичном реестре. Цвет корпоративной элиты. Сливки хищнического капитализма. Все они получали от Гофмана щедрое вознаграждение - и все они боялись его до дрожи в коленях.

Аркадий Гофман стоял у окна, спиной к собравшимся, и смотрел на город, раскинувшийся внизу. Ему было пятьдесят шесть лет, но выглядел он на сорок - подтянутый, холёный, с густой шевелюрой, в которой лишь на висках пробибалась благородная седина. Одет он был в безупречно сшитый костюм цвета тёмного графита, и единственным укра-

шением служила булавка для галстука - крошечный кусочек чёрного янтаря в платиновой оправе. Он носил её не ради красоты. Он носил её как талисман, как напоминание о том дне, когда впервые прикоснулся к чёрному янтарю и понял, в чём состоит его предназначение.

- Господа, - произнёс он, не оборачиваясь. Голос его был тихим, но акустика зала делала его слышимым в каждом углу. - Поздравляю. Наш проект вступает в финальную стадию. Объект «Штерн» прибыл в город и уже начал движение по предсказанному маршруту. С вероятностью восемьдесят семь процентов в течение ближайших сорока восьми часов он выведет нас к «Мозгу».

По залу прокатился сдержанный гул одобрения. Гофман повернулся к столу и обвёл собравшихся взглядом своих серых, почти бесцветных глаз - единственной черты его внешности, которая выдавала в нём нечто нечеловеческое, нечто, что пугало даже видавших виды генералов.

- Однако, - продолжил он, - восемьдесят семь процентов - не сто. Существует тринадцатипроцентная вероятность, что объект отклонится от маршрута. В этом случае мы потеряем не только «Мозг», но и саму Штерн, а вместе с ней - единственный известный нам биологический ключ к активации Комнаты. Я не могу допустить такого исхода. Поэтому я приказал Барону усилить наблюдение и подготовить группу захвата. Если Алиса Штерн попытается покинуть Калининград или уничтожить «Мозг», она будет взята под стражу

немедленно.

Гофман нажал кнопку на пульте, и над столом развернулась трёхмерная голограмма - точная копия той спектрограммы, которую Алиса видела в своём нейрочипе, но намного более детальная. Кристаллическая решётка пульсировала в воздухе, переливаясь оттенками от янтарно-золотого до чёрного.

- То, что вы видите, - это информационная структура балтийского янтаря, снятая с разрешением в пять ангстрем. Пять ангстрем, господа, - это размер атома. Мы заглянули в самую душу минерала. И обнаружили там код. - Он обвёл взглядом собравшихся. - Не хаотический набор химических связей, не случайную кристаллическую решётку, а организованный, иерархический, самоподдерживающийся код. Этот код был записан в янтаре пятьдесят миллионов лет назад - задолго до появления человека, задолго до динозавров, в эпоху, когда на Земле господствовал лес.

Гофман щёлкнул пальцами, и голограмма увеличилась, показывая структуру одного из «пузырьков» - микроскопических полостей, заполненных газом.

- Каждый такой пузырёк - это кубит. Квантовый бит информации, способный находиться в суперпозиции состояний. Миллиарды таких пузырьков, объединённых в трёхмерную матрицу, образуют квантовый компьютер, работающий при комнатной температуре и не требующий внешнего охлаждения. Природа создала его за миллионы лет до того, как

мы изобрели первый транзистор. Вопрос, господа: зачем? Зачем лесу понадобился квантовый компьютер?

Он сделал паузу, наслаждаясь напряжённым молчанием.

- Ответ я нашёл в дневниках Теодора Кальпа, профессора Кёнигсбергского университета, который первым расшифровал этот код в 1842 году. Лес, господа, был разумен. Не метафорически, а буквально. Коллективный разум планетарного масштаба, чьими нейронами служили деревья, а синапсами - корневые системы и споры. И когда этот лес погиб - в результате падения астероида, уничтожившего динозавров, - его сознание не исчезло. Оно законсервировалось в смоле. В янтаре. Каждый кусок балтийского янтара содержит фрагмент сознания этого леса. А чёрный янтарь - редчайшая его разновидность - содержит наиболее сохранные, наиболее активные фрагменты. Фактически, чёрный янтарь - это мозг бога.

В зале воцарилась тишина. Первым её нарушил нобелевский лауреат - сухонький старик с копной седых волос и живыми, цепкими глазами.

- Аркадий, вы понимаете, что говорите? «Мозг бога» - это метафора или вы всерьёз утверждаете, что янтарь обладает сознанием?

- Я всерьёз утверждаю, профессор, что янтарь содержит информацию, эквивалентную сознанию. Разница между «обладать сознанием» и «содержать информацию, эквивалентную сознанию» - чисто семантическая. Если вы загрузи-

те свой разум в компьютер, станете ли вы менее сознательны от того, что ваше «я» будет работать на кремниевом, а не на углеродном субстрате? - Гофман улыбнулся тонко, холодно. - Мы, в «Балтийском ИИ», уже провели этот эксперимент. Пока - на животных. Крыса, чей мозг был оцифрован и загружен в янтарную матрицу, продолжает демонстрировать паттерны нейронной активности, соответствующие сознательному поведению. Она помнит лабиринт, который проходила до загрузки. Она узнаёт своих сородичей. Она реагирует на стимулы. Она жива - в цифровой форме.

По залу прокатился взволнованный шёпот. Генералы переглядывались, профессора что-то лихорадочно записывали. Гофман подождал, пока шум уляжется, и продолжил:

- Теперь представьте, что будет, если мы загрузим в янтарную матрицу не крысу, а человека. Не просто человека, а гения. Эйнштейна. Ньютона. Или - самого Кальпа, чей дневник мы расшифровываем последние пять лет. Представьте, что мы получим доступ к его знаниям, его интуиции, его способности просчитывать вероятностные ветви реальности. Представьте, что мы сможем запустить симуляцию будущего с точностью, которую не обеспечит ни один суперкомпьютер на планете. - Он развёл руками. - Это и есть проект «Комната 2.0». Не восстановление Янтарной комнаты как произведения искусства. Создание новой Комнаты - вычислительной машины, способной предсказывать и корректировать будущее.

Генерал в отставке, седой мужчина с жёстким лицом и орденской планкой на лацкане, подался вперёд.

- Корректировать будущее? Что именно вы имеете в виду, господин Гофман?

- Именно то, что вы подумали, генерал. Если мы можем предсказать биржевой крах - мы можем на нём заработать. Если мы можем предсказать политический кризис - мы можем его предотвратить или, наоборот, усугубить, в зависимости от наших интересов. Если мы можем предсказать войну - мы можем выбрать, кто в ней победит. Комната 2.0 - это не машина для вычислений. Это машина для управления историей.

Совещание закончилось через час. Члены совета директоров расходились по своим кабинетам, возбуждённо переговариваясь. Никто из них не знал, что презентация, которую они только что видели, была лишь верхушкой айсберга. Истинные планы Гофмана простирались гораздо дальше, чем он позволял себе говорить даже перед самыми доверенными соратниками.

Когда зал опустел, Гофман подошёл к окну и достал из кармана маленький кусочек чёрного янтаря - такой же, какой носила с собой Алиса. Он поднёс его к глазу и посмотрел сквозь него на город. Город изменился: вместо современных улиц и зданий Гофман увидел Кёнигсберг 1939 года - цветущий, надменный, не подозревающий о том, что через пять лет он будет стёрт с лица земли ковровыми бомбарди-

ровками. Он видел этот город каждую ночь, во сне и наяву. Он родился в Ленинграде, но всей душой принадлежал Кёнигсбергу - вернее, той идее Кёнигсберга, которую он себе создал. Идее города, который мог бы стать столицей мира, если бы история пошла по другому пути.

Гофман убрал янтарь в карман. Он знал, что не все в совете директоров разделяют его философию. Многие из них рассматривали «Комнату 2.0» исключительно как коммерческий проект - пусть и грандиозный, но всё же просто бизнес. Они не понимали, что бизнес - лишь средство. Цель же - переписывание реальности. Полное и окончательное.

Он подошёл к селектору и вызвал Барона. Через минуту дверь отворилась, и в зал вошёл человек, чья внешность полностью соответствовала его кличке. Рослый, широкоплечий, с мощной шеей и руками, привыкшими к тяжёлой работе. Лицо его пересекал шрам, тянущийся от левого виска до подбородка, - след давнего взрыва, о котором Барон не любил рассказывать. Одет он был в тёмно-серый костюм, сидевший на нём как военная форма, - ни одной лишней складки, ни одного намёка на небрежность. В руке он держал планшет с открытым файлом наблюдения за объектом «Штерн».

- Садись, - коротко бросил Гофман, указывая на стул. Барон сел - не на краешек, как большинство посетителей, а уверенно, как садятся люди, имеющие право сидеть в присутствии начальства. - Докладывай.

Барон открыл файл и начал докладывать. Голос его был

низким, глуховатым, с едва заметным акцентом - он родился и вырос в Калининградской области, в семье военных, и говорил по-русски, но с теми особыми интонациями, которые свойственны местным жителям.

- Объект «Штерн» прибыл в Калининград позавчера утром, рейсом из Москвы. Сразу направилась в квартиру деда по адресу Шиллера, 17. Провела там ночь. Утром была замечена у руин замка Лохштедт, где вступила в контакт с неустановленным лицом. Наши дроны зафиксировали разговор продолжительностью приблизительно двадцать минут, но записать его не удалось - неизвестный использовал глушилку. После разговора объект вернулась в город, снова посетила квартиру деда - по-видимому, за деньгами, - и сняла номер в гостинице на окраине. Сегодня утром купила билет на экскурсионный автобус до Янтарного комбината. По нашим оценкам, цель объекта - старый цех № 9, где хранятся остатки оборудования для обработки чёрного янтаря.

Гофман кивнул, не выказав удивления. Он ожидал этого. Все вероятностные симуляции, запущенные за последние дни, предсказывали, что Алиса Штерн направится именно туда.

- Что с неизвестным, с которым она встречалась в замке? Ты выяснил, кто это?

Барон помедлил с ответом - редкая для него заминка.

- Есть основания полагать, что это Соколов. Да, тот самый. Он жив, и он до сих пор в городе. Мои люди пытались

взять его сегодня утром, но он ушёл - буквально растворился в воздухе. У старика появились новые трюки.

Гофман нахмурился. Соколов был фактором, который он не мог просчитать до конца. Человек, не спавший полвека, накопивший в своём мозгу гигантский объём информации о будущем, представлял опасность. Он знал слишком много - возможно, больше, чем сам Гофман.

- Найди его, - приказал Гофман. - Но не трогай. Приведи ко мне. Я хочу с ним поговорить.

- Будет сделано. - Барон сделал пометку в планшете. - Что касается объекта «Штерн» - какие будут указания? Продолжать наблюдение или переходить к активной фазе?

Гофман подошёл к окну и посмотрел вниз, на город. Где-то там, на Янтарном комбинате, его будущее - или его гибель - шла по экскурсионному маршруту, притворяясь обычной туристкой.

- Знаешь, Барон, почему я назвал нашу корпорацию «Балтийский ИИ»? - спросил Гофман, не оборачиваясь.

Барон промолчал, понимая, что вопрос риторический.

- Потому что интеллект - это единственное, что имеет значение. Не деньги, не власть, не территории. Всё это - производные от интеллекта. Тот, кто умнее, всегда побеждает. Всегда. История человечества - это история соревнования интеллектов. И мы вступаем в эпоху, когда человеческий интеллект перестаёт быть вершиной эволюции. Его сменяет интеллект искусственный. Или - природный, который мы толь-

ко начинаем понимать.

Он повернулся к Барону и продолжил:

- Человечество - ошибка. Не мои слова. Слова эволюции. Мы слишком агрессивны, слишком глупы, слишком эгоистичны, чтобы выжить в долгосрочной перспективе. Мы уничтожаем свою среду обитания, мы воюем друг с другом, мы плодим миллиарды ненужных особей, потребляющих ресурсы и не производящих ничего, кроме мусора. Янтарь даёт нам шанс исправить эту ошибку. Мы можем загрузить сознание лучших представителей нашего вида в матрицу и создать новую реальность - чистую, разумную, лишённую страданий и хаоса. А те, кто не достоин... - он сделал паузу, - те останутся здесь. В этом мире, который мы оставим им.

Барон слушал молча, ничем не выдавая своего отношения к услышанному. Он работал на Гофмана уже пятнадцать лет и давно привык к его философским монологам. Но сегодня в словах шефа звучало что-то новое - какая-то мрачная решимость, которой Барон не замечал раньше.

- Вы говорите об этом так, словно конец уже близок, - заметил он.

- Потому что он близок, - ответил Гофман. - У нас есть максимум год, прежде чем Комната будет полностью активирована. К тому моменту мы должны быть готовы. Готова ли наша «гончая»? Готова ли Алиса Штерн привести нас к «Мозгу»?

- С вероятностью восемьдесят семь процентов - да.

- Мне нужно девяносто девять. Сделай так, чтобы она не свернула с маршрута. Но не трогай её. Пока что. Она нужна мне живой. Она - единственный ключ, и, если с ней что-то случится, вся наша работа пойдёт прахом.

Барон кивнул и вышел из зала. Гофман остался один. Он снова подошёл к окну и посмотрел на город - на город, который он собирался изменить до неузнаваемости, на город, который он собирался стереть и переписать заново.

Тем временем несколькими этажами ниже, в аналитическом отделе «Балтийского ИИ», кипела работа. Отдел занимал целый этаж и был оборудован по последнему слову техники: десятки аналитиков сидели за терминалами, отслеживая потоки данных со всего мира. Здесь не было окон - только мягкий свет мониторов и тихое гудение серверов. На стенах висели экраны, на которых в режиме реального времени отображались карты вероятностных полей, графики биржевых котировок и ещё какие-то данные, понятные только посвящённым.

Главный аналитик отдела, Михаил Резник - сутулый человек лет сорока с вечно взъерошенными волосами и красными от недосыпа глазами, - изучал файлы, перехваченные с нейрочипа Алисы. Это был титанический труд: защита файла `spectrogram_final.dat` была многослойной, и каждый слой требовал отдельного подхода. Но Резник был лучшим в своём деле. Он работал на Гофмана уже десять лет, и за это время не было шифра, которого он не смог бы взломать.

- Есть, - прошептал он, когда последний слой защиты поддался. - Я внутри.

На его мониторе развернулась та самая кристаллическая решётка, которую Алиса видела в самолёте. Но Резник смотрел не на неё - он смотрел на метаданные, на скрытые слои, на подписи, которые файл оставлял в сети при каждой попытке анализа. И то, что он увидел, заставило его побледнеть.

- Она уже запустила протокол синхронизации, - пробормотал он, ни к кому не обращаясь. - Файл не просто прочитан. Он активирован. «Мозг» знает, что она здесь. Он готовится к контакту.

Резник нажал кнопку селектора, соединявшую его напрямую с кабинетом Гофмана.

- Аркадий Викторович? У меня новости. Объект «Штерн» активировала первичный контур. Расчётное время до полной синхронизации с «Мозгом» - около суток. Возможно, меньше. Если она доберётся до цеха № 9 до того, как синхронизация завершится, последствия могут быть непредсказуемыми.

Гофман выслушал его молча.

- Продолжай наблюдение, - сказал он наконец. - Если синхронизация начнёт выходить из-под контроля - отключай объект. У нас есть резервный ключ?

- В разработке. Но без биологического носителя - без неё - резервный ключ нестабилен. Мы можем потерять доступ к

«Мозгу» навсегда.

- Тогда молись, чтобы она не ошиблась, - холодно ответил Гофман. - Потому что, если она ошибётся, нам всем конец.

Пока аналитический отдел отслеживал передвижения Алисы, в подвальных этажах небоскрёба, куда не было доступа даже членам совета директоров, работала другая команда - команда биологов, генетиков и нейрохирургов, собранная Гофманом для самого секретного из его проектов. Здесь, в стерильных лабораториях, освещённых холодным синим светом, создавались биокомпьютеры - гибриды живых нейронов и янтарных матриц.

Руководила лабораторией доктор Хельга фон Краузе - сухая, высокая женщина с лицом, которое, казалось, никогда не знало улыбки. Она была правнучкой того самого профессора фон Краузе, который в 1904 году вместе с Кальпом пытался уничтожить Комнату. Но, в отличие от прадеда, Хельга не верила в этические ограничения. Она верила в науку - чистую, безжалостную, не скованную моралью.

- Образец № 47 готов, - доложила она Гофману, когда тот спустился в лабораторию для еженедельного осмотра. - Это наш лучший результат. Нейроны, выращенные из стволовых клеток волонтёра, интегрированы с янтарной матрицей на девяносто семь процентов. Они обучаются. Они реагируют на стимулы. Они - живые.

Гофман подошёл к стеклянной колбе, в которой плавал в питательном растворе кусок янтаря размером с челове-

ский мозг. Внутри янтаря, как водоросли в аквариуме, шевелились тонкие нити нейронов - они росли, размножались, образовывали связи. Это был прототип «Ноева ковчега» - первого в мире биокомпьютера, способного вместить человеческое сознание.

- Сколько ещё нужно времени, чтобы загрузить в него личность? - спросил Гофман.

- Месяц. Может быть, два. Проблема в том, что для загрузки нужен оригинал - живой мозг, с которого будет снята копия. И не любой мозг, а мозг, способный к резонансу с янтарём. - Хельга сделала паузу. - Мозг Алисы Штерн.

Гофман улыбнулся. Он знал это. Знал с самого начала. Именно поэтому он ждал Алису двадцать лет. Именно поэтому он не убил её, когда она была ребёнком, хотя такая возможность у него была. Она была нужна ему живой. Её мозг был ключом не только к «Мозгу», но и к «Ноеву ковчегу». С её помощью он сможет загрузить своё сознание в янтарную матрицу и стать бессмертным.

- Работайте, доктор, - сказал он. - Через месяц вы получите свой оригинал. А пока - подготовьте всё для процедуры снятия копии. Она должна пройти без сучка и задоринки.

Барон не пошёл сразу выполнять приказ Гофмана. Вместо этого он спустился в цокольный этаж небоскрёба, где находился его личный кабинет - маленькая, спартански обставленная комната без окон, с единственной лампой на столе и сейфом в углу. Здесь он мог побыть один - редкая рос-

кошь для человека, чья работа требовала постоянного присутствия и контроля.

Он сел за стол, открыл сейф и достал оттуда старую фотографию - единственную вещь, которую он хранил как зеницу ока. На фотографии была изображена группа людей у входа в лабораторию «Кёнигсберг-13». Среди них - молодой Виктор Штерн, дед Алисы, и мальчик лет десяти, которого держала за руку женщина в белом халате. Мальчик - это сам Барон. Женщина - его мать, одна из лаборанток «К-13», погибшая во время эксперимента № 47.

Барон долго смотрел на фотографию. Он помнил тот день, когда она была сделана. Помнил запах химических реактивов, гул приборов, странное напряжение, витавшее в воздухе. Помнил, как его мать, уходя на эксперимент, поцеловала его в лоб и сказала: «Я скоро вернусь». Она не вернулась. Эксперимент вышел из-под контроля, произошёл выброс энергии, и несколько сотрудников, включая его мать, погибли на месте. Ему тогда сказали, что это был несчастный случай. Но он знал правду. Он знал, что виноват Виктор Штерн - человек, который спроектировал оборудование и который не предусмотрел защиту от перегрузки. Человек, который после катастрофы просто ушёл - уволился, исчез, спрятался в своей квартире на Шиллера, - и ни разу не попытался связаться с сыном погибшей сотрудницы.

С тех пор прошло больше полувека. Барон вырос, прошёл армию, спецназ, участвовал в нескольких войнах, ра-

ботал наёмником, пока однажды не встретил Гофмана, который предложил ему работу - и не просто работу, а шанс отомстить. Отомстить Виктору Штерну за смерть матери. Отомстить системе, которая покрыла эту смерть. Отомстить всем, кто считал, что люди - расходный материал для великих экспериментов.

Теперь Виктор Штерн мёртв, но его внучка жива. И Барон, глядя на фотографию, думал о том, что месть - это блюдо, которое подают холодным. Очень холодным.

Тем временем в аналитическом отделе Резник продолжал работу. Он уже расшифровал большую часть файла `spectrogram_final.dat` и теперь изучал то, что содержалось в его глубинных слоях. То, что он видел, поражало его до глубины души.

Файл был не просто спектрограммой минерала. Это была подробнейшая карта подземных коммуникаций Кёнигсберга-Калининграда, составленная на основе данных, которые могли быть получены только из одного источника - из самого янтаря. Смола, пронизывающая геологические слои под городом, работала как гигантская распределённая антенна, считывающая информацию обо всём, что происходило на поверхности за последние пятьдесят миллионов лет. Каждый дом, каждая улица, каждый человек, когда-либо живший в Кёнигсберге, были записаны в этой матрице. И тот, кто имел доступ к матрице, мог видеть прошлое - и, возможно, будущее - с точностью, которая не снилась никакому су-

перкомпьютеру.

Но было в файле и нечто ещё - нечто, что заставило Резника снять очки и протереть глаза, прежде чем перепроверить данные. Файл содержал подпись. Не цифровую подпись в обычном смысле, а биометрическую - уникальный паттерн нейронной активности, соответствующий одному конкретному человеку. И этот человек - не Виктор Штерн. И не Алиса. Этот человек - сам Теодор Кальп, умерший, по официальным данным, в 1904 году.

Резник перепроверил данные трижды, прежде чем звонить Гофману. Ошибки быть не могло. Сознание Кальпа, или его копия, или что-то, что называло себя Кальпом, было живо. Оно существовало внутри янтарной матрицы. И оно пыталось связаться с Алисой Штерн.

- Аркадий Викторович, - сказал он, когда Гофман снял трубку. - У меня новости. Кальп жив. И он на стороне нашей «гончей».

Гофман выслушал доклад Резника с каменным лицом. Новость о том, что Кальп - его кумир, его учитель (пусть и заочный), человек, чьи дневники он изучал годами, - жив и враждебен ему, не была неожиданной. В глубине души он всегда подозревал это. Кальп был слишком умён, чтобы просто умереть. Он должен был предусмотреть способ сохранить своё сознание.

- Это меняет дело, - сказал Гофман, скорее себе, чем Резнику. - Если Кальп в матрице, он может попытаться заблоки-

ровать нам доступ к «Мозгу». Он знает коды, он знает протоколы, он знает уязвимости. Мы должны опередить его. - Он нажал кнопку селектора. - Барон, отмени приказ о пассивном наблюдении. Объект «Штерн» должна быть взята под стражу немедленно. Но без физического вреда. Повторяю. без физического вреда. Она нужна мне живой и здоровой.

- Принято, - ответил Барон. - Группа захвата уже на комбинате. Они войдут в цех № 9 сразу после объекта.

Гофман отключил связь и повернулся к окну. Город внизу жил своей жизнью, не подозревая о том, что под его улицами, в глубине земли, заканчивается эпоха. Старая эпоха - эпоха, в которой люди сами решали свою судьбу. Наступала новая эпоха - эпоха, в которой судьбу будет решать тот, кто контролирует Комнату. И этим человеком должен был стать он, Аркадий Гофман.

Экскурсионный автобус с Алисой внутри подъехал к проходной Янтарного комбината ровно в десять утра. Пока туристы выходили из автобуса, щёлкая фотоаппаратами и слушая экскурсовода, Алиса незаметно огляделась. Территория комбината была огромной - несколько гектаров, заставленных ангарами, складами, административными зданиями и, главное, карьерами, из которых добывали янтарь. Всё это было обнесено высоким забором с колючей проволокой и охранялось - не так строго, как военный объект, но достаточно, чтобы случайный человек не мог сюда проникнуть.

Экскурсия началась стандартно: музей янтаря, сувенир-

ный магазин, смотровая площадка над действующим карьером. Алиса делала вид, что внимательно слушает экскурсовода, а сама тем временем запоминала расположение зданий, сверяясь с картой, которую восстановила по памяти из дневника деда. Цех № 9 находился в дальней части территории, за заброшенным ангаром, который когда-то использовался для хранения взрывчатки. Сейчас, судя по всему, он был закрыт и опечатан - но подходы к нему могли охраняться.

Когда группа зашла в сувенирный магазин, Алиса отделилась от неё и скользнула в служебный коридор, ведущий в запретную зону. На ней был комбинезон, который она незаметно надела поверх своей одежды, - такие носили работники комбината. Она надеялась, что он поможет ей затеряться среди персонала. Первые несколько минут всё шло по плану: она миновала склад, обошла ангар и добралась до старого цеха. Дверь была заперта на ржавый навесной замок, но Алиса, порывшись в сумке, достала универсальную отмычку - подарок Игоря на случай чрезвычайных ситуаций. Через минуту замок поддался, и она вошла внутрь.

Барон получил приказ о захвате Алисы, когда она уже была на территории комбината. Он немедленно связался с группой захвата, которая дежурила в неприметном фургоне у восточных ворот комбината. Группа состояла из шести человек - все бывшие спецназовцы, прошедшие подготовку в частных военных компаниях. Они были вооружены, но не летальным оружием: электрошокеры, парализующие дроти-

ки, сети. Гофман требовал взять объект живой.

- Она в цехе № 9, - передал Барон по закрытому каналу.
- Оцепите здание, но внутрь не заходите. Ждите моего сигнала.

Он не спешил. Барон знал, что Алиса - не просто туристка, заблудившаяся на комбинате. Она была дочерью Виктора Штерна, а значит - опасным противником. И он хотел дать ей время добраться до «Мозга». Потому что «Мозг», в отличие от Алисы, не мог убежать. Если она найдёт его первой - тем лучше. Он возьмёт обоих одним ударом.

Алиса вошла в цех № 9 и остановилась на пороге, привыкая к полумраку. Окна здесь были заколочены, свет проникал только через щели в крыше и сквозь запалённые фонари под потолком. Внутри царил хаос, который можно было ожидать от заброшенного производства: ржавые станки, опрокинутые стеллажи, груды битого янтаря, который никто не удосужился убрать. Но в этом хаосе чувствовался порядок - точнее, следы чьего-то давнего, но целенаправленного пребывания. Кто-то работал здесь после закрытия цеха. Возможно, дед. Возможно, кто-то ещё.

Она прошла вглубь цеха, ориентируясь на схему, которую запомнила из дневника. Старый мастер, которого она встретила вчера (о чём будет рассказано в следующей главе), упоминал «Синий карьер» и глыбу, которая создавала миражи. Но сейчас её интересовало другое: станки для шлифовки линз. Если они уцелели, она сможет выточить линзы из чёр-

ного янтаря прямо здесь. Если нет - придётся искать другой способ.

Станки нашлись в дальнем конце цеха, под брезентом, который защитил их от пыли и влаги. Они были старыми, но, судя по виду, вполне рабочими. Алиса сдёрнула брезент и осмотрела их. Шлифовальный круг, полировальный диск, набор алмазных резцов - всё, что нужно для изготовления оптических линз. Дед явно готовился к этому моменту. Знал, что однажды она придёт сюда.

Но, прежде чем приступить к работе, Алиса должна была найти монокристаллы чёрного янтаря. Она обошла цех, заглядывая в каждый угол, и наконец заметила то, что искала: в углу, под грудой мусора, лежал массивный металлический ящик с надписью «К-13. Образцы. Не вскрывать». Замок был сорван - видимо, те, кто обыскивал цех до неё, добрались и до ящика. Но внутри ещё оставались фрагменты чёрного янтаря - небольшие, размером с кулак, но достаточные для изготовления линз. Алиса взяла несколько штук и направилась к станкам.

Она не знала, что за ней наблюдают. На стенах цеха, под самым потолком, были установлены миниатюрные камеры, замаскированные под гнёзда ласточек. Они передавали картинку в аналитический отдел «Балтийского ИИ», где Резник и его команда следили за каждым шагом Алисы. И не только следили. Они анализировали её действия, сопоставляли их с предсказаниями симуляции и корректировали вероятност-

ные модели в реальном времени.

- Она нашла образцы, - доложил один из аналитиков. - Сейчас направилась к шлифовальному станку. Если начнёт обработку, то через три-четыре часа у неё будут готовые линзы. После этого она, скорее всего, попытается собрать Пси-призму здесь же.

Резник передал эту информацию Барону. Тот выслушал и отдал короткий приказ: «Ждать. Как только начнёт сборку призмы - брать».

Алиса надела защитные очки, которые нашла рядом со станком, и приступила к работе. Шлифовка чёрного янтаря требовала особой осторожности: материал был хрупким, и одно неверное движение могло испортить заготовку. Она работала медленно, тщательно, сверяясь с чертежами из дневника. Прошло два часа, прежде чем первая линза была готова. За ней - вторая, третья. Когда последняя линза легла на полировальный диск, Алиса позволила себе выдохнуть. Самое сложное было позади.

Теперь предстояло собрать Пси-призму. Она достала из сумки чертежи и начала монтировать оптическую систему на станине, которую нашла рядом со станком. Линзы вставляли в пазы с идеальной точностью - дед явно подгонял оборудование под этот проект. Через час призма была собрана. Алиса подключила её к портативному аккумулятору и направила на один из образцов чёрного янтаря.

В этот момент дверь цеха распахнулась, и внутрь ворва-

лись люди в чёрной форме с эмблемой «Балтийского ИИ» на рукаве.

Алиса успела среагировать мгновенно. Она схватила призму и нырнула за станок, уходя с линии огня. Один из нападавших выстрелил из парализатора, но заряд ушёл в стену, выбив облако кирпичной пыли. Алиса перекатилась за другой станок и лихорадочно соображала, что делать. Бежать было некуда - цех был окружён. Принять бой - безумие, их слишком много.

И тогда она вспомнила слова деда о том, что Пси-призма может не только считывать информацию, но и воздействовать на мозг. Она направила призму на ближайшего нападавшего, сфокусировала луч фонарика через чёрный янтарь и нажала на кнопку активации. Вспышка - не яркая, но какая-то глубинная, проникающая прямо в мозг - заставила спецназовца закричать и схватиться за голову. Он упал, корчась в припадке, напоминаящем эпилептический. Его товарищи замешкались - и этой заминки Алисе хватило, чтобы скрыться в глубине цеха, где она заметила ещё одну дверь, ведущую, судя по всему, в подвал.

Она бежала, прижимая к груди призму и образцы, и слышала за спиной крики и топот. В подвале было темно, но она включила фонарик и понеслась по узкому коридору, который уходил куда-то вниз, в толщу земли. Она не знала, куда он ведёт. Но выбора не было.

Позади гремели шаги - её преследовали.

Барон, ожидая доклада от группы захвата, сидел в своём кабинете и перебирал в памяти события давних лет. Он редко позволял себе эту роскошь - воспоминания делали его уязвимым, а уязвимость была непозволительной слабостью для человека его профессии. Но сегодня, когда охота на Штерн вступила в финальную стадию, прошлое нахлынуло с неожиданной силой.

Он помнил себя десятилетним мальчиком, живущим в военном городке под Калининградом. Отец - офицер, вечно пропадающий на службе. Мать - лаборантка в каком-то засекреченном НИИ, о котором она никогда не рассказывала. Она уходила рано утром, возвращалась поздно вечером, уставшая, но всегда находила время, чтобы почитать ему сказку перед сном. Барон помнил её руки - нежные, пахнущие каким-то химическим раствором, который он теперь знал как янтарную эссенцию. Помнил её голос - тихий, успокаивающий, рассказывающий о далёких странах, где растут деревья с золотыми листьями и плачут каменными слезами.

В тот день - 12 марта 1968 года - мать ушла на работу и не вернулась. Ему сказали, что произошёл несчастный случай. Взрыв. Пожар. Несколько погибших. Подробности не сообщили - военная тайна. Похороны были закрытыми, гробы не вскрывали. Десятилетний мальчик, стоя у свежерырытой могилы, поклялся себе, что когда-нибудь узнает правду и отомстит тем, кто виновен в смерти его матери.

Прошли годы, прежде чем он смог получить доступ к

архивам «Кёнигсберга-13». То, что он узнал, потрясло его. Никакого взрыва не было. Был эксперимент по подключению человеческого мозга к монолиту чёрного янтаря. Эксперимент вышел из-под контроля, и несколько сотрудников, включая его мать, получили дозу излучения, несовместимую с жизнью. Но виноват был не сам эксперимент - виноват был человек, который спроектировал оборудование без аварийной защиты. Виктор Штерн. Дед Алисы.

Теперь Виктор Штерн мёртв, но его кровь живёт в его внучке. И Барон, глядя на фотографию матери, думал о том, что справедливость - это не просто месть. Справедливость - это завершение круга. Круг должен замкнуться. И он замкнётся сегодня.

Тем временем в другом конце города, в арендованной квартире на окраине, человек по имени Мартин Лундквист - представитель Европейского космического агентства в Калининграде - изучал данные, переданные ему неизвестным источником. Данные были зашифрованы, но ключ, присланный вместе с ними, сработал идеально. На экране развернулась карта аномалий магнитного поля над Балтикой - та самая, о которой ЕКА знало уже несколько лет, но не могло найти объяснения. Теперь объяснение было: янтарь. Балтийский янтарь создавал глобальное электромагнитное поле, которое влияло на орбиты спутников, на работу систем связи, возможно - даже на климат.

Лундквист немедленно связался со штаб-квартирой ЕКА

в Париже.

- У нас подтверждение, - сказал он. - Янтарная аномалия реальна. И она усиливается. Если данные верны, через несколько недель поле достигнет пика, и мы можем столкнуться с каскадными сбоями по всей Северной Европе.

- Источник данных? - спросил голос на том конце.

- Неизвестен. Но я предполагаю, что это та самая женщина, о которой мы говорили. Алиса Штерн. Она каким-то образом получила доступ к информации, которую мы искали годами.

- Найдите её. Предложите сотрудничество. Если то, что она знает, - правда, она нам нужна. Живой.

Лундквист отключил связь и задумался. Найти Алису Штерн в городе, который кишел шпионами «Балтийского ИИ», было непростой задачей. Но у него были свои источники. И он знал, с чего начать.

Гофман тем временем спустился в свой личный кабинет - небольшую, звукоизолированную комнату, смежную с основным залом заседаний. Здесь не было окон, не было мониторов, не было ничего, что могло бы отвлечь его от самого важного. Только стул, стол и на столе - небольшая Пси-призма, собранная по чертежам Кальпа и усовершенствованная инженерами «Балтийского ИИ». Гофман сел за стол и активировал устройство. В воздухе развернулась голограмма - мерцающая, нестабильная, но с каждым днём становившаяся всё более чёткой. Голограмма изображала человека.

Того самого, чьё сознание, по данным Резника, было живо в янтарной матрице. Теодора Кальпа.

- Ты снова здесь, - произнёс Гофман, обращаясь к голограмме. - Я знаю, что ты слышишь меня. Я знаю, что ты помогаешь ей. Зачем? Что ты хочешь получить?

Голограмма молчала. Но Гофману не нужны были слова - он научился интерпретировать колебания вероятностного поля, которые возникали при активации призмы. Эти колебания говорили ему, что Кальп здесь. Что он наблюдает. Что у него есть свой план, отличный от плана Гофмана. И что он, Гофман, должен быть осторожен. Очень осторожен.

- Ты думаешь, что можешь остановить меня, - продолжал Гофман. - Ты ошибался в 1904 году, когда пытался уничтожить Комнату. Ты ошибался в 1968-м, когда твои чертежи попали в руки советских учёных. Ты ошибаешься и сейчас. Комнату нельзя уничтожить. Её можно только возглавить. И я возглавлю её - с тобой или без тебя.

Голограмма погасла. Но Гофман знал: Кальп услышал его. И принял к сведению.

Алиса бежала по подземному коридору, сама не зная куда. Фонарик выхватывал из темноты то ржавые трубы, то осыпающиеся кирпичные стены, то лужи стоячей воды. Коридор был явно старым - может быть, довоенным, - и вёл он, судя по направлению, в сторону карьера. Возможно, раньше это был технический ход для отвода грунтовых вод. Возможно - часть системы бомбоубежищ, построенных в Кёнигсберге

ещё при немцах.

Шаги преследователей стихли. То ли они потеряли её в лабиринте подземных ходов, то ли получили приказ не углубляться. Алиса остановилась, чтобы перевести дыхание, и в этот момент почувствовала знакомый запах - сладковато-электрический, предвещающий близость чёрного янтаря. Он шёл из глубины коридора, из темноты, которая, казалось, сгущалась впереди.

Она двинулась на запах. Коридор постепенно расширялся, превращаясь в пещеру - естественную или рукотворную, Алиса не могла понять. Стены здесь были покрыты странным налётом, который светился в луче фонарика бледно-зелёным светом. И в центре пещеры, на грубо вытесанном каменном постаменте, лежала глыба чёрного янтаря размером с автомобиль. «Мозг». Тот самый, который дед искал десятилетиями. Тот самый, который был спрятан здесь, в подземельях под цехом № 9, залитый бетоном, но не забытый.

Алиса подошла ближе. Глыба пульсировала, и пульсация эта отдавалась в её мозгу, синхронизируясь с альфа-ритмом. «Мозг» ждал её. Ждал двадцать лет. Ждал, чтобы заговорить.

Она протянула руку и коснулась его поверхности - и мир вокруг исчез.

Глава 5: Янтарный комбинат

Алиса пришла в себя на каменном полу пещеры, подло-

жив руку под голову, словно во сне кто-то заботливо устроил её поудобнее. Первое, что она почувствовала, был запах - уже знакомый, сладковато-электрический, предвещающий близость чёрного янтаря. Второе - тишина. Не обычная тишина подземелья, нарушаемая каплей и шорохом осыпающейся штукатурки, а абсолютная, космическая тишина, какая бывает только в вакууме. Казалось, сам воздух здесь замер, ожидая чего-то.

Она открыла глаза. Фонарик, выпавший из её руки, лежал рядом и всё ещё светил - луч упирался в свод пещеры, теряясь в паутине трещин. Алиса села, растирая затёкшие плечи, и огляделась. «Мозг» - гигантская глыба чёрного янтаря - покоился на своём постаменте, но теперь он изменился. Раньше он был матовым, непрозрачным, поглощающим свет. Теперь же в его глубине пульсировала сеть тончайших золотых нитей, напоминающих нейронные связи. Глыба ожила. Она дышала, и дыхание это было медленным, размеренным, как у спящего великана.

Алиса поднялась на ноги, чувствуя лёгкое головокружение. Сколько она пролежала без сознания? Минуту? Час? Сутки? Часы на телефоне показывали полдень, но она не помнила, сколько времени было, когда она коснулась «Мозга». Она попыталась вспомнить, что видела во время контакта, но память заволокло туманом - лишь разрозненные образы: бескрайний лес, золотой дождь из смолы, голос, проносящий её имя на языке, которого не существует. И ещё

- ощущение, что её сознание на мгновение расширилось до размеров планеты, вместив в себя всё, что когда-либо было, есть и будет.

Она проверила снаряжение. Призма, собранная с таким трудом, лежала на полу и, кажется, не пострадала. Образцы чёрного янтаря - те, что она взяла из ящика, - были на месте. Сумка с дневником и книгой-кодексом - тоже. Алиса подняла призму, убрала её в рюкзак и направилась к выходу из пещеры. Но, прежде чем уйти, она обернулась и ещё раз посмотрела на «Мозг». Ей показалось, что глыба смотрит на неё в ответ. Не буквально - у неё не было глаз, - но само расположение золотых нитей в её глубине складывалось в подобие лица. Лица, которое она уже видела. Где? В видении. В самолёте. Во сне. Это было лицо Матери-Смолы - древнего леса, чьё сознание законсервировалось в янтаре пятьдесят миллионов лет назад.

- Я вернусь, - прошептала Алиса. - Я обещаю.

И пошла обратно по коридору, туда, где остался цех № 9 и где, возможно, её всё ещё ждали люди Барона.

Подъём занял больше времени, чем спуск. Коридор шёл вверх под довольно крутым углом, и Алисе приходилось цепляться за стены, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях. Несколько раз она останавливалась, чтобы перевести дыхание и прислушаться. Тишина. Преследователи либо ушли, либо затаились. Когда она наконец добралась до двери, ведущей в цех, то обнаружила, что та приоткрыта - видимо,

спецназовцы Барона не стали её заперать, уходя.

Она осторожно выглянула. Цех был пуст. Следы недавнего штурма - опрокинутые станки, гильзы от парализаторов, пятна гари на стенах - говорили о том, что группа захвата побывала здесь, но по какой-то причине отступила. Алиса не стала гадать, что их спугнуло. Возможно, они получили приказ не углубляться в подземелья. Возможно, что-то ещё - что-то, связанное с «Мозгом», - заставило их бежать. Так или иначе, путь был свободен.

Она подошла к станку, на котором шлифовала линзы, и быстро собрала оставшиеся инструменты. Алмазные резцы, полировальные пасты, запасные заготовки - всё это могло пригодиться в будущем. Затем она подошла к двери, ведущей во внешний мир, и замерла. Снаружи слышались голоса - не агрессивные, не командные, а обычные, рабочие. Пересменка? Или экскурсионная группа? Алиса выглянула в щель и увидела нескольких работников комбината в синих комбинезонах. Они шли к соседнему ангару, оживлённо обсуждая вчерашний футбольный матч. На неё никто не обращал внимания.

Она выскользнула из цеха и, стараясь держаться как можно естественнее, двинулась в сторону выхода с территории комбината. Её комбинезон, позаимствованный в подсобке, делал её почти неотличимой от местных работниц. Почти - потому что любой внимательный наблюдатель заметил бы, что она не знает, куда идёт. Но Алисе везло: наблюдателей

не было. Она миновала проходную без приключений, просто предъявив пропуск, который нашла в кармане комбинезона - видимо, его забыла одна из работниц, - и вышла на улицу.

Солнце стояло в зените. Мартовский день был ясным и холодным, с пронзительным ветром, который дул с залива и заставлял прохожих кутаться в воротники. Алиса отошла на безопасное расстояние от комбината, нашла скамейку в сквере и села, чтобы перевести дух и осмыслить произошедшее. Она сделала это. Она нашла «Мозг». Она собрала Пси-призму - пусть и в примитивном, полевом варианте. Она вырвалась из лап Барона. Но главное было впереди. Ей нужно было расшифровать информацию, полученную от «Мозга», и понять, что делать дальше.

Просидев на скамейке около получаса и немного согревшись, Алиса решила вернуться на комбинат. Но не в цех № 9 - туда ей пока соваться не стоило, - а в административный корпус, где, как она узнала из разговоров во время экскурсии, находился музей истории комбината. Ей нужна была информация о «Синем карьере» - том самом месте, где, по легенде, в 1970-х годах извлекли глыбу, создававшую миражи.

Музей располагался на первом этаже административного корпуса и представлял собой три небольших зала, заставленных витринами с образцами янтаря, старыми фотографиями, макетами карьеров и инструментами. Посетителей в будний день было мало, и Алиса могла спокойно осмотреть экспозицию. Она шла от витрины к витрине, читая пояснитель-

ные таблички и запоминая всё, что касалось «Синего карьера». Из официальных источников следовало, что карьер был закрыт в 1982 году из-за истощения запасов и с тех пор затоплен грунтовыми водами. Никаких упоминаний о «глыбе, создающей миражи», в музейных стендах не было. Но Алиса и не ожидала их найти. Официальная история - это всегда лишь верхний слой. То, что скрывается под ним, знают только те, кто там работал.

Она обратила внимание на старика, сидевшего в углу третьего зала на стуле. Он был одет в старый, выцветший комбинезон с эмблемой комбината, и на первый взгляд мог показаться смотрителем музея. Но, подойдя ближе, Алиса заметила, что руки у него дрожат, а дыхание затруднено - он страдал одышкой, возможно, той самой, что бывает у людей, годами дышавших янтарной пылью. Силикоз. Профессиональная болезнь янтарщиков. Она подошла к нему и, сама не зная зачем, спросила:

- Простите, вы не знаете, где находится старый цех № 9?

Старик поднял на неё глаза - выцветшие, голубые, с красными прожилками, - и долго смотрел, словно узнавая. Потом улыбнулся беззубым ртом.

- Цех № 9, говоришь? - прошамкал он. - Давно это было. Очень давно. Там уже лет сорок как никто не работает. Опломбирован. А тебе зачем?

- Я внучка Виктора Штерна, - сказала Алиса. Она решила не скрываться. Если этот старик знал деда, он может быть

полезен. Если нет - что ж, в худшем случае он просто не поймёт, о ком речь.

Но старик понял. При имени Штерна его глаза оживились, и он подался вперёд, вцепившись костлявыми пальцами в подлокотники стула.

- Штерна? Виктора? - Он закашлялся, но быстро справился с приступом. - Знал его. Хороший был человек. Странный, но хороший. Он искал то же, что и все мы. Только он почти нашёл. Почти.

Алиса присела на соседний стул и приготовилась слушать. Старик, представившийся дядей Мишей, работал на Янтарном комбинате с 1962 года - с того самого года, когда дед нашёл первый образец чёрного янтаря в руинах замка Лохштедт. Он был свидетелем многих событий, о которых Алиса читала в дневнике, но видел их с другой стороны - не из лаборатории, а из карьера, оттуда, где добывали янтарь.

- «Синий карьер», - начал он, понизив голос до шёпота, хотя в музее никого, кроме них, не было. - Это сейчас он заброшен, залит водой. А тогда, в семидесятых, он был главным местом добычи. Там брали самый крупный янтарь - куски по пять, по десять кило. И там же, в 1973-м, нашли то, что потом назвали «Синцом». Глыбу. Огромную. Размером с легковую машину. Она была не чёрная, как та, что твой дед искал, а синяя. Голубая, как море в ясный день. И она... светилась.

- Светилась? - переспросила Алиса. - В каком смысле?

- В прямом. Когда её вытащили из глины и поставили на солнце, она засветилась изнутри. Не ярко, а так - мерцала, как свеча за занавеской. И вокруг неё начали происходить странные вещи. Рабочие, которые были рядом, видели видения. Кто-то говорил, что видел море, которого здесь отродясь не было. Кто-то - лес, не похожий на наш. А один мужик, Петрович, поклялся, что видел самого себя, только молодого, идущего по Кёнигсбергу, который ещё не бомбили. - Дядя Миша перекрестился. - Грех это всё. Камни не должны разговаривать. Камни должны лежать в земле и молчать.

Алиса слушала, затаив дыхание. «Синяя глыба», очевидно, была ещё одной разновидностью янтаря-носителя, наряду с чёрным. И она обладала способностью проецировать записанную информацию непосредственно в мозг наблюдателя - без всякой Пси-призмы.

- Что случилось с глыбой потом? - спросила она.

- Увезли. Приехали люди из Москвы, всё опечатали, глыбу погрузили на платформу и увезли в неизвестном направлении. А «Синий карьер» закрыли. Сказали, что янтарь кончился. Но мы-то знали, что янтаря там ещё на сто лет. Просто начальство испугалось. Испугалось того, что глыба показывала.

- Что именно она показывала?

Дядя Миша долго молчал, прежде чем ответить. Потом сказал:

- Будущее. Она показывала будущее. И оно было страш-

ным. Петрович, тот, что видел Кёнигсберг, ещё говорил, что видел войну. Не ту, что была, а ту, что будет. С небом, горящим, как смола. И с людьми, которые умирали и не могли умереть, потому что их души были заперты в камне. - Он снова перекрестился. - Я старый человек, мне помирать скоро. Но ты молодая. Не лезь в это. Не тревожь то, что должно спать.

Алиса поблагодарила старика и хотела уже уходить - ей нужно было обдумать услышанное, - но дядя Миша остановил её.

- погоди, - сказал он, шаря в карманах своего комбинезона. - У меня есть кое-что для тебя. Твой дед оставил это здесь много лет назад. Сказал: «Когда придёт моя внучка, отдай ей». Я думал, он сумасшедший - какая внучка, если он с дочерью не общается? А теперь вижу - ты. Пришла.

Он достал из кармана маленькую пожелтевшую ампулу, заткнутую резиновой пробкой. Внутри ампулы колыхалась густая, маслянистая жидкость - янтарный лак. Алиса взяла её и поднесла к свету. Жидкость была тёмно-золотой, с красноватым отливом, и в ней плавали микроскопические частицы, похожие на пыльцу.

- Что это? - спросила она.

- Не знаю, - честно ответил старик. - Твой дед сказал только: «В этой пыли заключена память дерева». И ещё: «Не открывай, пока не будешь готова». Я не открывал. И тебе не советую. Но он сказал, что это поможет тебе, когда придёт

время. - Он закашлялся, прижимая платок ко рту. - А теперь иди. Мне надо отдохнуть.

Алиса спрятала ампулу во внутренний карман куртки и, ещё раз поблагодарив дядю Мишу, покинула музей. Уже выходя, она обернулась и увидела, что старик сидит в той же позе, глядя в пространство перед собой, и губы его беззвучно шевелятся - то ли молится, то ли разговаривает с призраками прошлого.

Вернувшись в гостиницу, Алиса первым делом заперла дверь и достала ампулу. В номере было тихо, только ветер посвистывал за окном, шевеля занавески. Она поставила ампулу на стол и включила настольную лампу. В её свете жидкость казалась живой - она переливалась, пульсировала, словно в ней плавали крошечные светлячки.

Алиса вспомнила слова деда: «Не открывай, пока не будешь готова». Что он имел в виду? Как можно быть готовой к тому, чего не знаешь? Она колебалась несколько минут, но в конце концов любопытство победило. Она аккуратно вытщила пробку и поднесла ампулу к носу. Запах был ошеломляющим - не химический, как она ожидала, а живой, природный. Пахло хвоей, смолой, нагретой на солнце корой, влажной землёй после дождя. Пахло лесом. Тем самым лесом из её снов - древним, мезозойским, не знавшим человека.

Алиса капнула немного жидкости на предметное стекло, которое предусмотрительно захватила из лаборатории деда, и поднесла к микроскопу - портативному, но достаточ-

но мощному, чтобы разглядеть структуру на микроуровне. То, что она увидела, поразило её. Капли лака в ультрафиолетовом свете демонстрировали не хаотическое броуновское движение, а сложный, организованный танец. Частицы двигались не случайно - они образовывали цепочки, которые соединялись, разъединялись и снова соединялись, создавая структуры, напоминающие нейронные сети. И эти структуры были не статичными. Они обучались. Они реагировали на свет, на тепло, на вибрации. Они были живыми.

Алиса провела несколько часов, изучая лак под микроскопом и записывая наблюдения. Чем дольше она смотрела, тем яснее становилась картина. Лак был не просто взвесью янтарной пыли в растворителе. Это была коллоидная система, в которой каждая частица янтаря сохраняла фрагмент информации, записанной в ней миллионы лет назад. И когда эти частицы объединялись в цепочки, они начинали обмениваться информацией - как нейроны в мозгу. Лак был жидким мозгом. Мозгом леса.

Ближе к полуночи, когда Алиса уже собиралась ложиться спать, произошло нечто странное. Часы на её телефоне, на ноутбуке и на запястье - все три, работавшие независимо друг от друга, - одновременно сбросились на 16:45. Алиса заметила это не сразу. Она сидела за столом, делая пометки в блокноте, и вдруг краем глаза уловила, что цифры на экране телефона изменились. Она подняла голову - на ноутбуке было то же самое. На ручных часах - то же самое. 16:45. Но

за окнами была ночь, глубокая ночь, и никаких признаков рассвета.

Она попыталась перезагрузить телефон. Безрезультатно. Часы упрямо показывали 16:45. Ноутбук тоже. Механические часы на руке, которые она не снимала даже в душе, тикали, отсчитывая секунды от 16:45, хотя сейчас должно было быть далеко за полночь.

Алиса похолодела. Это был не технический сбой. Технические сбои не происходят одновременно на трёх независимых устройствах. Это было что-то иное. Что-то, связанное с янтарём. Она вспомнила дневник деда, в котором описывался подобный случай: во время одного из экспериментов в лаборатории «Кёнигсберг-13» все часы в радиусе ста метров от монолита чёрного янтаря остановились на одном и том же времени. Дед назвал это «темпоральной интерференцией» - наложением двух временных потоков друг на друга, вызванным активацией янтарной матрицы.

Но что это за время - 16:45? Алиса открыла браузер и ввела запрос: «16:45 Кёнигсберг история». Поисковик выдал десятки ссылок на биографию Иммануила Канта. Точное время смерти философа - 16:45, 12 февраля 1804 года. Алиса откинулась на спинку стула, чувствуя, как мурашки бегут по коже. Кант. Снова Кант. Его имя уже звучало в этой истории - и как автора «Критики чистого разума», которую дед читал с закладками, и как человека, чей год рождения стал кодом к сейфу. Теперь - как точка темпоральной аномалии. Почему?

Что связывало Канта с янтарём?

Не в силах уснуть, Алиса решила провести ещё один эксперимент. Она взяла ампулу с лаком и вышла на балкон гостиничного номера - маленький, с видом на внутренний двор, заваленный строительным мусором. Ночь была холодной, небо затянуто облаками, но кое-где между ними проглядывали звёзды. Алиса открыла ампулу и, повинувшись внезапному импульсу, нанесла каплю лака на запястье, туда, где бился пульс.

Эффект наступил мгновенно. Кожа в месте нанесения потеплела, затем потепление распространилось по всему телу, достигая кончиков пальцев, мочек ушей, корней волос. Алиса почувствовала, как её сознание расширяется, как будто границы её «я» размываются и она начинает воспринимать мир не через органы чувств, а напрямую - как информацию. Она закрыла глаза и увидела Кёнигсберг. Но не современный, не тот, что лежал в руинах, и не тот, что она видела во сне, - а Кёнигсберг начала XIX века, времён Канта.

Она шла по мосту через Прегель, и навстречу ей, опираясь на трость, шёл старик в чёрном сюртуке и белом жабо. Его лицо было изрезано морщинами, глаза смотрели строго и печально. Она узнала его - по портретам, по бюсту у Кафедрального собора, по тому внутреннему чутью, которое никогда не обманывало. Это был Кант. Он остановился, посмотрел на неё - прямо на неё, словно видел сквозь время, - и сказал по-немецки, с мягким прусским акцентом: «Вы опоз-

дали, фройляйн. Но ещё не поздно. Ищите то, что я спрятал под полом моей гробницы. Там - ответ. Но помните: звёздное небо надо мной и моральный закон во мне - это не метафора. Это - инструкция».

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Алиса очнулась на балконе, дрожа от холода. Часы на руке показывали 4:30 утра. С момента, когда она нанесла лак на запястье, прошло четыре часа, но она совершенно не заметила их течения. Она снова посмотрела на часы. Теперь они шли правильно. Темпоральная аномалия прекратилась. Но её последствия остались. Алиса знала, что ей нужно делать. Она должна была попасть в Кафедральный собор, в гробницу Канта, и найти то, что философ там спрятал. Но прежде - подготовиться. Потому что то, что она увидит там, может изменить всё.

Утро застало Алису за работой. Она сидела за столом, разложив перед собой карту Калининграда, дневник деда, книгу-кодекс и блокнот с собственными записями. После бессонной ночи голова была тяжёлой, но мысли - удивительно ясными. Слово лак, нанесённый на запястье, не только вызвал видение, но и прочистил её сознание, убрав всё лишнее и оставив только суть.

Она набросала план действий на ближайшие дни. Первое: проникнуть в Кафедральный собор и найти тайник под гробницей Канта. Второе: расшифровать записи из дневника деда, касающиеся «Синего карьера» и синей глыбы - возмож-

но, она ещё существует где-то, спрятанная теми, кто вывез её в 1973 году. Третье: связаться с Эвальдом фон Кесселем, Смотрителем, и получить доступ к подземельям под островом Канта. Четвёртое: продолжать избегать людей Барона, которые наверняка всё ещё ищут её после провала в цехе № 9.

Она понимала, что действовать в одиночку становится всё труднее. Ей нужны были союзники. Игорь, предатель из «Балтийского ИИ», был мёртв - точнее, ещё не встречен, потому что их знакомство должно было состояться позже, согласно хронологии событий. Соколов - загадочный волонтер из эксперимента № 47 - то ли помогал ей, то ли вёл свою игру. Эвальд фон Кессель прислал курьера с книгой-кодексом, но до сих пор не появился лично. ЕКА, по слухам, интересовалось янтарной аномалией, но выходить на контакт с ними было рискованно. Оставалась надежда на то, что кто-то из этих людей проявит себя в ближайшее время.

Алиса собрала вещи, проверила, надёжно ли упакована ампула с лаком, и вышла из гостиницы. Ей нужно было найти способ проникнуть в Кафедральный собор до открытия - или, наоборот, после закрытия, когда там никого не будет. Она решила сначала осмотреться на острове Канта, оценить обстановку, понять, как устроена охрана.

Остров Канта - или Кнайпхоф, как он назывался до войны, - был сердцем старого Кёнигсберга. Когда-то здесь стояли десятки домов, узкие улочки кишели жизнью, на набере-

режной швартовались рыбацкие баркасы. Теперь от всего этого остался только Кафедральный собор - массивное готическое здание из красного кирпича, чудом уцелевшее под бомбёжками и восстановленное уже в постсоветское время. Вокруг собора был разбит парк - аккуратный, ухоженный, с лавочками, фонарями и могилой Канта у северной стены.

Алиса приехала на остров около десяти утра. Собор уже был открыт для посетителей - внутри проходила репетиция органного концерта, и звуки музыки, просачивающиеся сквозь толстые стены, наполняли парк торжественной, немного печальной атмосферой. Она прошла мимо могилы Канта - строгого портика с колоннами, под которым покоился прах философа, - и вошла в собор.

Внутри было прохладно и сумрачно. Свет проникал сквозь витражные окна, окрашивая каменные плиты пола в синие, красные, золотые тона. Алиса прошла по центральному нефу, делая вид, что рассматривает архитектурные детали, а сама тем временем оценивала расположение помещений, выходов, возможных укрытий. Гробница Канта, насколько она знала, была символической - настоящий склеп с останками философа находился под землёй, в крипте, закрытой для посетителей. Именно туда ей и нужно было попасть.

Она заметила неприметную дверь в боковом приделе, ведущую, судя по табличке, в служебные помещения. Дверь была заперта, но замок - старый, механический, - не пред-

ставлял серьёзной преградой для человека, имевшего опыт работы с отмычками. Алиса решила, что вернётся сюда вечером, когда собор закроется и охрана будет менее бдительной.

Покинув собор, Алиса присела на скамейку в парке. День был солнечным, но ветреным; с залива доносился запах водорослей. Она смотрела на прохожих - туристов, студентов, мам с колясками, - и думала о том, как странно устроена жизнь. Все эти люди жили своей обычной жизнью, не подозревая, что под их ногами, в толще земли, покоится древний разум, способный переписывать реальность. Не подозревая, что где-то рядом идёт война за обладание этим разумом - война, в которой она, Алиса, стала ключевой фигурой.

Она думала о деде. О том, как он, должно быть, чувствовал себя в последние годы жизни - одинокий, затравленный, знающий слишком много и не имеющий возможности ни с кем поделиться. Он хранил тайну десятилетиями, и тайна эта в конце концов убила его - если не физически, то душевно. Алиса не хотела повторить его судьбу. Она хотела завершить его дело и освободиться. Но она уже понимала: тот, кто прикасается к янтарю, не уходит от него навсегда. Янтарь оставляет свой след в душе - как оставляет след в коже татуировка. И этот след останется с ней до конца жизни.

Она достала из кармана маленький кусочек чёрного янтаря - тот самый, что нашла в шкафу в квартире деда, - и сжала его в ладони. Камень был тёплым, почти горячим. Он от-

зывался на её прикосновение, как живое существо. Она чувствовала его пульсацию - медленную, ритмичную, успокаивающую. И она знала: что бы ни случилось дальше, она не одна. У неё есть союзник - древний, непостижимый, но верный. Лес, который ждал её миллионы лет, теперь на её стороне.

Остаток дня Алиса потратила на подготовку к ночному визиту в собор. Она купила в хозяйственном магазине фонарик с красным светофильтром - красный свет меньше заметен снаружи, - а также запасные батарейки и набор отмычек. В аптеке она приобрела упаковку активированного угля - на случай, если снова придётся столкнуться с токсичными испарениями. В кафе у вокзала она плотно пообедала, понимая, что следующая возможность поесть может представиться не скоро.

Она также провела сеанс связи с Пси-призмой, проверяя её работоспособность. Призма, собранная в цехе № 9, была грубой, кустарной, но работала. Она усиливала сигнал чёрного янтаря и переводила его в визуальные образы. Алиса надеялась, что в гробнице Канта призма поможет ей найти то, что не видно невооружённым глазом.

Ближе к вечеру она снова приехала на остров Канта. Собор уже закрылся, последние туристы расходились. Алиса нашла неприметное место в парке, откуда можно было наблюдать за входом в собор, и стала ждать. Час, другой. Стемнело, зажглись фонари. Охранник обошёл территорию, про-

верил замки и удалился в свою сторожку на противоположном конце острова.

Алиса выждала ещё полчаса для верности, а затем двинулась к служебному входу, который она заприметила днём.

Замок на служебной двери поддался быстрее, чем она ожидала. Старый механизм, не менявшийся, вероятно, с советских времён, был надёжен против случайного взлома, но не против человека, имевшего хоть какой-то опыт. Алиса проскользнула внутрь, стараясь не шуметь, и закрыла дверь за собой. Внутри было темно и пахло пылью, старым деревом и воском. Где-то вдалеке, в глубине здания, тихо гудел вентилятор системы отопления. Она включила фонарик с красным светофильтром и двинулась по коридору, сверяясь с планом собора, который она предусмотрительно скачала из интернета.

Гробница Канта находилась, согласно плану, в крипте, под главным алтарём. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через ризницу и спуститься по узкой каменной лестнице в подземелье. Алиса миновала ризницу - комнату, где хранились облачения священников и церковная утварь, - и нашла лестницу. Она была очень старой, стёртые ступени уходили вниз, в абсолютную темноту. Алиса глубоко вздохнула и начала спускаться.

Внизу, в крипте, царил холод - не тот, что бывает от отсутствия отопления, а какой-то глубинный, могильный холод, проникающий до костей. Луч фонарика выхватывал из

темноты массивные каменные колонны, поддерживающие свод, и надгробные плиты с полустёртыми надписями. В центре крипты стоял саркофаг Канта - массивное сооружение из чёрного мрамора, украшенное бронзовыми табличками. Алиса подошла к нему и остановилась, не зная, что делать дальше. Кант в её видении сказал: «Ищите то, что я спрятал под полом моей гробницы». Значит, тайник был не в самом саркофаге, а под ним.

Она опустилась на колени и начала осматривать плиты пола вокруг саркофага. Одна из них, у изголовья, качалась под ногами. Алиса нажала на неё, и плита подалась, открывая небольшую полость. Внутри лежала шкатулка - деревянная, обитая потемневшей от времени медью. Алиса достала её и открыла. Внутри был не инклюз с комаром, как утверждал план, а нечто иное - свёрнутый в трубку пергамент, перевязанный выцветшей шёлковой лентой, и маленький янтарный шарик. Алиса развернула пергамент. На нём было написано по-немецки, изящным готическим почерком, несомненно, принадлежавшим самому Канту: «Тому, кто найдёт это. Ты ищешь истину, но помни: истина - это не то, что можно найти. Это то, что находит тебя. Янтарь - это сон разума. Не буди его, если не готов увидеть кошмар».

Алиса перечитала послание несколько раз. «Янтарь - это сон разума» - перефразированное изречение Гойи: «Сон разума рождает чудовищ». Кант, живший задолго до Гойи, не мог его цитировать - значит, это было его собственное предо-

стережение. Что он знал о янтаре? Почему его время смерти стало точкой темпоральной аномалии? И что значит «не буди его»?

Она убрала пергамент и шарик в рюкзак и уже собиралась уходить, когда услышала шаги на лестнице. Кто-то спускался в крипту. Алиса выключила фонарик и прижалась к стене, стараясь слиться с темнотой. Шаги приближались. В крипте появился свет - кто-то держал в руке фонарь с обычным, белым светом. Алиса затаила дыхание.

Это был смотритель собора - пожилой мужчина в тёмной куртке, совершавший ночной обход. Он прошёл в нескольких шагах от неё, осветил саркофаг, проверил, всё ли в порядке, и направился обратно. Алиса дождалась, пока шаги стихнут, и только после этого позволила себе выдохнуть. Ей нужно было уходить, пока охранник не заметил взломанный замок служебной двери.

Она выбралась из собора тем же путём, что и вошла, и скрылась в темноте парка. Сердце колотилось, адреналин бурлил в крови. Но в руке она сжимала янтарный шарик - ещё одну загадку, оставленную ей прошлым. И послание Канта - предостережение, которое она пока не могла расшифровать до конца.

Вернувшись в гостиницу, Алиса долго сидела на кровати, вертя в руках янтарный шарик. Он был тёплым, почти горячим, и внутри него пульсировала крошечная искра - такая же, как в том куске чёрного янтаря, что она нашла в кварти-

ре деда. Но этот шарик был другим. Он не вызывал видений, не пытался с ней говорить - он просто был, молчаливый и загадочный, словно ждал своего часа.

Алиса думала о матери. Елена Штерн, биолог, эмигрантка, женщина, которая запретила дочери общаться с дедом. Почему она так поступила? Чего боялась? И знала ли она о том, что Алиса - «ключ»? Вопросы эти мучили её с того самого момента, как она прочитала дневник. Но теперь у неё появилось новое чувство - чувство, что мать не просто боялась за неё. Она что-то скрывала. Что-то, что могло изменить всё.

Алиса достала телефон и открыла старую фотографию матери - единственную, что у неё была. Елена Штерн на пляже в Сан-Франциско, молодая, улыбающаяся, с ветром в волосах. За год до смерти. Она не выглядела как человек, который носит в себе страшную тайну. Но ведь никто не выглядит. Тайны носят внутри, под кожей, и они проступают только в самый неподходящий момент.

- Почему ты мне не рассказала? - прошептала Алиса, глядя на фото. - Почему ты оставила меня одну?

Фотография молчала. Но где-то в глубине её сознания, там, куда успел проникнуть янтарь, Алиса услышала ответ. Не словами, а чувством. Теплом. Любовью. И печалью. Мать не отвечала ей - но янтарь хранил память о всех, кто когда-либо к нему прикасался. И среди этих миллионов отпечатков был один - отпечаток Елены Штерн, которая когда-то,

много лет назад, держала в руках этот самый шарик и думала о своей дочери.

Утром Алиса получила сообщение на электронную почту. Адрес отправителя был ей незнаком, но тема письма заставила её сердце биться чаще: «От Смотрителя. Срочно». Она открыла письмо. Текст был коротким: «Вы нашли то, что искали, в соборе. Поздравляю. Теперь вам нужен следующий ключ. Жду вас сегодня в Музее янтаря, башня Дона, в 18:00. Спросите Эвальда. Пароль: „Альбертина“». Подпись - всё та же стилизованная «К» в круге, перечёркнутая молнией.

Алиса задумалась. Эвальд фон Кессель - Смотритель, последний из Круга Альбертины. Тот самый, кто прислал курьера с книгой-кодексом. Тот самый, о ком упоминал дед в дневнике. До сих пор их общение было односторонним: он помогал ей, но не показывался на глаза. Теперь он приглашал её на встречу. Это могло быть ловушкой. Но могло быть и спасением. Алиса решила рискнуть. В конце концов, терять ей было уже почти нечего.

До вечера оставалось несколько часов, и она провела их за изучением книги-кодекса. Словарь символов, присланный Эвальдом, постепенно поддавался расшифровке. Алиса уже могла читать отдельные фразы на языке древних - том самом, на котором говорил лес и на котором были написаны янтарные пластины Кодекса Альбертины. Она прочитала главу «О природе времени» и узнала много нового. Время, согласно Кодексу, - это не линия и не круг, а спираль, которая од-

новременно движется вперёд и вращается вокруг своей оси. Прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно, но в разных фазах спирали. Янтарь - это вещество, способное улавливать эти фазы и переводить их в информацию. А Пси-призма - инструмент для чтения этой информации. Но была в Кодексе и ещё одна глава, которую Алиса не успела прочитать. Она называлась «О жертве» и была зашифрована сложнее остальных. Ключ к ней, судя по пометкам на полях, находился у Смотрителя.

В восемнадцать ноль-ноль Алиса стояла у входа в Музей янтаря, расположенный в башне Дона - круглом фортификационном сооружении на берегу Верхнего озера. Музей уже закрылся, но дверь была приоткрыта. Она вошла внутрь. В вестибюле было темно, только где-то в глубине горел свет. Она прошла по коридору и оказалась в зале, где в витринах были выставлены лучшие образцы янтаря со всего мира. Посреди зала стоял человек - пожилой, с благородной сединой, одетый в старомодный, но безупречно сшитый костюм. Один глаз у него был карий, другой - синий. Гетерохромия. Та самая, о которой упоминал дед.

- Добрый вечер, Алиса Викторовна, - произнёс он, и голос его был тихим и мелодичным, как звук виолончели. - Я Эвальд фон Кессель. Смотритель. Рад, что вы добрались.

Алиса остановилась, не доходя до него нескольких шагов.

- Почему вы помогаете мне? - спросила она без предисловий. - Чего вы хотите взамен?

Эвальд улыбнулся - мягко, немного печально.

- Я хочу того же, чего хотел ваш дед. Защитить Комнату от тех, кто использует её во зло. И передать её тому, кто использует её во благо. Ваш дед верил, что этот человек - вы. Я склонен ему доверять. У меня не было причин сомневаться в его суждениях при жизни. Нет причин сомневаться и сейчас.

Он подошёл к витрине и извлёк оттуда небольшой предмет - цилиндр из сплава янтаря и вольфрама, покрытый голографическими письменами.

- Это ключ от библиотеки, - сказал он. - Той самой, что спрятана в подземельях под островом Канта. Там хранится архив Кёнигсбергского университета «Альбертина». И там же - ответ на вопрос, который вы ищете: как остановить Гофмана и переписать код Комнаты на этический лад. Но чтобы войти туда, вам понадобится не только ключ. Вам понадобится разрешение Архивариуса.

- Архивариуса? - переспросила Алиса.

- Это автономная программа на основе древнего биокомпьютера. Она тестирует всех входящих. Тех, кто не пройдёт проверку, ждёт растворение личности в виртуальном лабиринте. Но вы, я думаю, пройдёте. - Эвальд протянул ей цилиндр. - Держите. И помните: пароль - «Альбертина». Без него Архивариус вас не впустит.

Алиса взяла ключ. Он был холодным и тяжёлым, и от него исходило то же самое сладковато-электрическое гудение, что и от чёрного янтаря.

- Когда мне идти?

- Завтра. На рассвете, пока город спит. Я буду ждать вас у входа в подземелье. - Эвальд поклонился и, прежде чем Алиса успела задать ещё один вопрос, скрылся в боковой двери, оставив её одну в темнеющем зале.

Алиса вернулась в гостиницу, когда город уже окутали сумерки. Она села на кровать и долго смотрела на ключ, лежащий на столе. Завтра ей предстояло спуститься в подземелья под островом Канта, где её ждал Архивариус - программа, которая могла либо пропустить её, либо уничтожить. А перед этим, сегодня ночью, ей нужно было завершить ещё одно дело: прочитать главу «О жертве» из Кодекса Альбертины и понять, что от неё потребуется.

Она открыла книгу и, пользуясь ключом, полученным от Эвальда - не физическим ключом, а лингвистическим, спрятанном в послесловии, - расшифровала последнюю главу. То, что она прочитала, заставило её похолодеть.

«Тот, кто хочет управлять Комнатой, должен отдать ей часть себя. Не кровь, не плоть - душу. Лишь тот, кто жертвует своей нейросетью, сможет переписать код. Но помни: жертва необратима. Став оператором, ты перестанешь быть человеком. Ты станешь Комнатой. И Комната станет тобой».

Алиса закрыла книгу. Теперь она знала цену. Ценой была она сама. Но был ли у неё выбор? Если она не сделает этого, Гофман сделает. И тогда реальность изменится так, что миллионы людей просто исчезнут, стёртые из новой ветви

вероятности. Её жизнь против миллионов. Такой была математика этой войны.

Она подошла к окну и выглянула на улицу. Где-то там, в зеркальном небоскрёбе, Гофман, вероятно, тоже не спал. Тоже думал о завтрашнем дне. Тоже готовился к финальной партии. Алиса не знала, кто победит. Но она знала, что делает всё возможное, чтобы победила она. Потому что на кону было нечто большее, чем её жизнь. На кону была сама реальность.

Глава 6: Заводские галлюцинации

Алиса проснулась в своей гостинице рано, ещё до рассвета. За окнами моросил мелкий мартовский дождь, барабания по жестяному отливу, и этот монотонный звук действовал успокаивающе, словно метроном, задающий ритм её мыслям. Она лежала в постели, глядя в потолок, и прокручивала в голове события последних дней. Цех № 9. «Мозг». Ампула с лаком. Видение Канта. Встреча с Эвальдом. Ключ от библиотеки. Всё это складывалось в единую картину, но в ней ещё зияли пробелы - тёмные пятна на карте, которые предстояло заполнить.

Сегодня вечером она должна была спуститься в подземелья под островом Канта. Но до этого ей нужно было завершить ещё одно дело - то, которое она откладывала со дня встречи со старым мастером. Ампула с янтарным лаком. Дед сказал: «В этой пыли заключена память дерева». Но он не

сказал, как эту память извлечь. Простое изучение под микроскопом дало лишь поверхностные результаты. Чтобы понять природу лака по-настоящему, нужен был эксперимент - полноценный, с погружением, с активацией Пси-призмы. И провести его можно было только в одном месте - там, где концентрация янтарной пыли в воздухе была максимальной. В цехе № 9.

Возвращаться туда было опасно. После её побега люди Барона наверняка усилили охрану комбината. Но у Алисы не было выбора. Ей нужны были ответы, которые мог дать только прямой контакт с «памятью дерева». Она понимала: то, что она увидит в этой памяти, может оказаться не просто информацией, а опытом - живым, чувственным, способным изменить её саму. Но именно этого она и хотела. Именно этого она и боялась.

Утро Алиса провела за подготовкой. Она собрала всё необходимое: Пси-призму, ампулу с лаком, запасные батарейки для фонарика, воду, немного еды, аптечку. Отдельно она упаковала янтарный шарик, полученный от Канта, и ключ от библиотеки - эти предметы она не могла оставить в гостинице, опасаясь обыска. Одежда - тёмная, неприметная, удобная для передвижения по подземельям. На ногах - прочные ботинки на нескользящей подошве. В рюкзак она также положила дневник деда и книгу-кодекс - они были слишком ценны, чтобы рисковать.

Перед выходом она проверила новости. Местный пор-

тал сообщал о «временном закрытии Янтарного комбината для посетителей в связи с техническими работами». Алиса усмехнулась. «Технические работы» - это, конечно, эвфемизм. На самом деле комбинат закрыли из-за неё. Из-за того, что она проникла в цех № 9 и скрылась от группы захвата. Значит, проникнуть туда снова будет сложнее. Но не невозможно.

Она вышла из гостиницы в полдень. Дождь прекратился, но небо оставалось затянутым низкими, тяжёлыми облаками, обещавшими новый ливень к вечеру. Алиса села в автобус, идущий в сторону промзоны, и доехала до остановки «Янтарный комбинат». Вышла и осмотрелась. У проходной стояли двое охранников в форме - больше, чем обычно. Они проверяли пропуска у всех входящих с особой тщательностью. Алиса поняла, что через главный вход ей не пройти. Нужно было искать другой путь.

Она обошла территорию комбината по периметру, держась на безопасном расстоянии от забора. Забор был высоким, с колючей проволокой поверху и камерами наблюдения через каждые пятьдесят метров. Но Алиса помнила схему из дневника деда - в северо-восточной части территории, у старого ангара для взрывчатки, был ещё один вход, которым пользовались рабочие в советское время. Там забор был ниже, а камеры - старые, возможно, уже не работающие.

Она нашла это место через час. Забор действительно был ниже, и в нём зияла дыра, заделанная ржавой сеткой. Сетка

была прикручена проволокой - явно кустарный ремонт, сделанный кем-то из рабочих, чтобы срезать путь. Алиса открыла проволоку, отогнула сетку и протиснулась внутрь. Камера над этим участком висела, но её объектив был разбит - видимо, местные мальчишки постарались. Ей снова везло.

Она оказалась на задворках комбината, среди ржавых контейнеров и штабелей старых поддонов. В нос ударил знакомый запах - смесь машинного масла, химических растворителей и янтарной пыли. Алиса двинулась в сторону цеха № 9, стараясь держаться в тени и не попадаться на глаза случайным прохожим. Территория комбината была огромной, и рабочих здесь было немного - большая часть производства была автоматизирована. Дважды она слышала шаги и пряталась за контейнерами, но оба раза опасность миновала. Через час она уже стояла у дверей цеха № 9.

Дверь была опечатана - на ней висела пластиковая лента с надписью «Опечатано. Вход воспрещён». Но замок был всё тем же, и отмычка снова справилась с ним за несколько минут. Алиса скользнула внутрь и закрыла дверь за собой. В цехе было темно и тихо. Следы вчерашнего штурма - опрокинутые станки, гильзы, пятна гари - остались на своих местах. Никто не убирал. Возможно, цех решили просто закрыть до выяснения обстоятельств. Алиса прошла в дальний угол, туда, где стояли станки для шлифовки, и устроилась там. Это место было достаточно укромным, чтобы провести эксперимент, не опасаясь быть замеченной.

Алиса достала ампулу и Пси-призму. Она понимала, что эксперимент может быть опасен. Лак содержал не просто янтарную пыль - он содержал информацию, законсервированную в смоле миллионы лет назад. И активация этой информации с помощью призмы могла вызвать непредсказуемые последствия. Но именно непредсказуемость и была нужна Алисе. Она хотела понять, на что способна «память дерева».

Она настроила призму, направив её луч на каплю лака, которую нанесла на предметное стекло. Затем подключила призму к портативному аккумулятору и включила питание. Линзы засветились мягким сиреневым светом, и в воздухе возникло уже знакомое гудение - низкочастотное, вибрирующее, отдающееся в костях. Алиса задержала дыхание и медленно повернула регулятор мощности.

Эффект наступил мгновенно. Пространство вокруг неё искривилось, словно она смотрела на мир сквозь толщу воды. Стены цеха поплыли, теряя очертания. Пол под ногами стал зыбким, как болотная жижа. Алиса попыталась удержаться за станок, но её пальцы прошли сквозь металл, как сквозь туман. Она падала - или ей казалось, что падала, - и в этом падении не было ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства. Была только информация. Поток чистой, нефильТРованной информации, которая вливалась в её мозг, как река в океан.

Она увидела лес. Тот самый - древний, мезозойский, не знавший человека. Деревья-гиганты, чьи кроны уходили в

стратосферу. Воздух, густой от влаги и спор. Смола, текущая по стволам, как кровь по венам. Лес был живым - не метафорически, а буквально. Каждое дерево было нейроном в гигантском мозгу, оплетавшем всю планету. И этот мозг мыслил - медленно, неторопливо, как и положено существу, чья жизнь измеряется геологическими эпохами. Он думал о вечности. О звёздах, которые рождались и умирали у него над головой. О времени, которое текло сквозь него, как вода сквозь песок.

А потом пришёл огонь. Метеорит, упавший где-то далеко, но вызвавший цунами, землетрясения, пожары. Лес горел. Деревья кричали - беззвучно, но Алиса слышала их крик каждой клеткой своего тела. Смола плавилась, пузырилась, застывала, погребая под собой всё, что не успело спастись. И вместе со смолой застывало сознание леса - не умирая, а засыпая. Консервируясь. Превращаясь в янтарь.

Видение изменилось. Лес исчез, уступив место другому пейзажу - мрачному, подземному, освещённому лишь пламенем горна. Алиса стояла в низкой, сводчатой комнате, стены которой были сложены из грубо отёсанного камня. В центре комнаты, у алхимической печи, стоял человек в длинном, испачканном сажей фартуке. Он был немолод, с седыми висками и пронзительными, горящими глазами. В одной руке он держал тигель с расплавленной смолой, в другой - стеклянную палочку, которой помешивал эту густую, пузырящуюся массу. Он бормотал что-то по-латыни - формулы,

заклинания, молитвы, - и голос его был хриплым, надтреснутым.

Алиса узнала его. Это был Теодор Кальп - тот самый алхимик, о котором она читала в дневнике деда, тот самый, кто создал первую Пси-призму, тот самый, кто пытался уничтожить Комнату в 1904 году. Но здесь, в этом видении, он был другим - моложе, энергичнее, полным надежд и амбиций. Он работал над каким-то экспериментом, и Алиса, сама того не осознавая, помогала ему. Она была не просто наблюдателем - она была участницей. Её руки двигались сами собой: они подносили ингредиенты, записывали показания приборов, помешивали растворы. Она была лаборанткой Кальпа - девушкой по имени Анна, жившей в Кёнигсберге в 1899 году.

- Анна, подай мне серную кислоту, - сказал Кальп по-немецки, и Алиса-Анна послушно протянула ему склянку. Кислота зашипела, соприкоснувшись с янтарём, и в воздухе распространился резкий, удушливый запах. Кальп удовлетворённо кивнул. - Хорошо. Очень хорошо. Мы почти закончили. Ещё немного - и мы получим философский янтарь, о котором писал Василий Валентин. Камень, который способен превращать не металл в золото, а прошлое в будущее.

Алиса хотела спросить, что он имеет в виду, но не могла - её губы не слушались, тело двигалось по собственной воле. Она была пленницей этого видения, марионеткой, которой управляла «память дерева». Но вместе с тем она чувствовала

всё, что чувствовала Анна: страх перед Кальпом, восхищение его гением, смутное предчувствие беды, которая должна была вот-вот случиться.

И беда случилась. Эксперимент вышел из-под контроля. Тигель треснул, расплавленная смола выплеснулась на пол, загорелась. Кальп закричал, пытаясь сбить пламя, но оно только разгоралось. Анна бросилась ему на помощь - и её рука, протянутая к огню, попала в струю горячей смолы. Боль была невыносимой, ослепляющей. Алиса закричала - и её крик слился с криком Анны, с криком Кальпа, с криком леса, горящего миллионы лет назад.

А потом всё исчезло.

Алиса очнулась на полу цеха. Голова раскалывалась, во рту стоял вкус горелой смолы. Она с трудом села, опираясь на станок, и огляделась. Пси-призма лежала на полу, её линзы погасли. Ампула с лаком была пуста - жидкость испарилась без следа. Часы на руке показывали 4:15 утра. Она провела в видении почти восемь часов.

И тут она заметила самое страшное. На её правой руке, той самой, которую Анна протянула к огню, были ожоги. Настоящие, физические. Красные, вздувшиеся волдыри покрывали запястье и ладонь. Боль была невыносимой - той самой болью, которую она почувствовала в видении. Алиса застонала и прижала руку к груди, пытаясь унять дрожь. Это было невозможно. Это противоречило всем законам физики. Но это было реально. Янтарь не просто записал память

о прошлом. Он транслировал эту память в настоящее - вместе с физическими ощущениями, вместе с болью, вместе с ожогами.

Алиса достала аптечку и обработала ожог, насколько это было возможно в полевых условиях. Антисептик, бинт. Боль немного утихла, но не прошла совсем. Она понимала, что теперь у неё есть не только доказательство того, что янтарь способен передавать сенсорный опыт, но и предупреждение: эксперименты с «памятью дерева» опасны. Очень опасны. Если бы Анна в видении погибла, что стало бы с ней? Умерла бы она тоже? Или застряла бы в чужом сознании навсегда?

Она посмотрела на пустую ампулу и вдруг поняла: лак был не просто пылью янтаря. Это была кровь леса. Концентрат памяти. И дед дал ей это не для экспериментов, а для чего-то другого. Для чего? Ответа пока не было.

Алиса собрала вещи и, преодолевая боль в руке, направилась к выходу из цеха. Но, прежде чем выйти, она заметила нечто такое, что заставило её замереть. На полу, у самой двери, были следы - отпечатки подошв, оставленные в тонком слое янтарной пыли, покрывавшей всё вокруг. Следы были свежими. И они были не её. Кто-то побывал здесь, пока она была в видении. Кто-то подошёл к двери, возможно, заглянул внутрь, но не стал входить. Почему? Что его остановило?

Алиса выглянула наружу. Рассвет ещё не наступил, но небо на востоке уже начало светлеть. Территория комбината была пустынна. Только ветер гулял между ангарами, подни-

мая облака янтарной пыли. Она не увидела никого, но чувство чужого присутствия, которое она испытала вчера у руин замка Лохштедт, снова вернулось. За ней следили. Не просто через камеры - кто-то был здесь, рядом, в нескольких шагах. Возможно, тот же человек в сером пальто. Возможно, кто-то другой.

Она быстро пошла прочь от цеха, туда, где в заборе была дыра. Нужно было убираться с комбината как можно скорее. Но боль в руке замедляла её, а голова всё ещё кружилась после видения. Дважды она спотыкалась и едва не падала. Наконец, выбравшись за забор, она остановилась перевести дух и поняла, что не может идти дальше. Слишком много сил ушло на эксперимент. Слишком много боли пришлось пережить.

Она нашла укромное место в зарослях кустарника, в сотне метров от забора, и опустилась на землю, привалившись спиной к стволу старой липы. Ей нужно было отдохнуть - хотя бы полчаса, - прежде чем продолжить путь. Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в сон - без сновидений, без голосов, без янтарных лесов.

Её разбудил вой заводской сирены. Резкий, пронзительный звук разорвал тишину и заставил её вскочить на ноги, забыв о боли. Сирена выла где-то на комбинате - возможно, обнаружили следы её проникновения. Возможно, сработала сигнализация. В любом случае, нужно было уходить.

Она бежала через пустыри, отделявшие промзону от жи-

лых кварталов. Солнце уже взошло, и город просыпался. Первые трамваи гремели по рельсам, первые прохожие спешили на работу. Алиса старалась не привлекать внимания - забинтованная рука, бледное лицо, испачканная одежда, - но ей казалось, что все смотрят на неё. Она нырнула в первый попавшийся двор, умылась под краном, перевязала руку по новой и кое-как привела себя в порядок. Затем села на скамейку и попыталась осмыслить произошедшее.

Видение, посетившее её в цехе, было не просто галлюцинацией. Это была реальная память - память Анны, лаборантки Кальпа, застывшая в янтаре больше ста лет назад. Лак каким-то образом извлёк эту память и транслировал её в мозг Алисы с такой интенсивностью, что та пережила события 1899 года как свои собственные. Это открывало колоссальные возможности. Если янтарь может хранить не просто факты, а целостный сенсорный опыт - значит, с его помощью можно не только видеть прошлое, но и переживать его. Можно учиться у мёртвых. Можно получать знания, которые были утрачены столетия назад. Можно, в конце концов, понять, что именно пошло не так у Кальпа - и не повторить его ошибку.

Но была и тёмная сторона. Если янтарь способен передавать физические ощущения, включая боль, - значит, он способен и убить. Что, если в следующий раз видение будет настолько интенсивным, что её сердце не выдержит? Или её мозг получит повреждения, несовместимые с жизнью? Экс-

перименты с «памятью дерева» были игрой с огнём - в прямом и переносном смысле. Нужно было соблюдать осторожность. Очень большую осторожность.

Алиса достала из рюкзака дневник деда и нашла страницу, посвящённую Кальпу. Виктор Штерн писал: «Теодор Кальп - ключевая фигура в истории Янтарной комнаты. Именно он первым понял, что смола способна хранить не только насекомых, но и информацию. Именно он построил первую Пси-призму. Именно он провёл эксперименты, которые привели к созданию Комнаты в её современном понимании. Но он же первым осознал опасность и пытался уничтожить своё творение. Его дневники, спрятанные в подземельях Альбертины, содержат полное описание технологии. Если Гофман получит к ним доступ раньше нас - катастрофа неизбежна. Если мы получим доступ первыми - у нас будет шанс».

Дневники Кальпа. Вот что было целью Гофмана. Вот зачем он искал доступ к подземельям под островом Канта. Не просто за «мозгом» машины - за полным описанием технологии. Алиса вспомнила слова Эвальда: «Там хранится архив Кёнигсбергского университета „Альбертина“. И там же - ответ на вопрос, который вы ищете». Теперь она знала, что это за ответ. Это дневники Кальпа. И ключ к ним, который дал Эвальд, - лишь первый шаг.

Но было и ещё кое-что. В видении она видела Кальпа молодым, полным надежд. Видела его лабораторию, его инструменты, его методы. Она знала, как он работал. И это давало

ей преимущество. Она могла не просто прочитать его дневники - она могла понять их так, как никто другой. Потому что она пережила его опыт. Она была его лаборанткой.

Эта мысль наполнила её странным, горьким воодушевлением. Она больше не была просто наследницей архива. Она была ученицей Кальпа - пусть и через столетие после его смерти. И она должна была завершить то, что он не смог завершить.

К полудню Алиса добралась до гостиницы. Рука болела невыносимо, и она понимала, что нужно обратиться к врачу, но не могла - визит в больницу означал бы неминуемую регистрацию, а регистрация - обнаружение людьми Барона. Поэтому она снова обработала ожог сама, наложила свежий бинт и проглотила две таблетки обезболивающего, которые нашла в аптечке. Боль немного отступила, но рука оставалась красной и воспалённой. Завтра, возможно, станет хуже. Но до завтра ещё нужно было дожить.

Она включила ноутбук и попыталась привести в порядок записи. Синхронистический сбой часов, происшедший накануне, возобновился, но с другой аномалией. Часы на телефоне и ноутбуке снова сбросились на 16:45 - время смерти Канта. Но теперь она заметила ещё одну странность: сбой происходил каждый раз, когда она приближалась к ампуле с лаком. Ампула, опустошённая во время эксперимента, всё ещё излучала остаточное поле, которое влияло на электронику. Это было похоже на то, что описывал дед: темпораль-

ная интерференция, вызванная активацией янтарной матрицы. Но здесь, в миниатюре, она наблюдала её в действии.

Она записала все свои наблюдения в блокнот. Потом открыла книгу-кодекс и продолжила расшифровку. Глава «О природе времени», которую она начала читать ранее, содержала ещё один важный фрагмент: «Время - это смола. Оно течёт медленно, но оно течёт во все стороны сразу. Прошлое не исчезает, оно застывает, как янтарь. Будущее не предопределено, оно пульсирует, как живая капля на коре дерева. Тот, кто научится читать янтарь, сможет видеть прошлое. Тот, кто научится формировать янтарь, сможет создавать будущее». Формировать янтарь. Создавать будущее. Это было именно то, о чём говорил Гофман на совещании совета директоров. Комната не предсказывает реальность - она её создаёт.

Алиса закрыла книгу и задумалась. Если она хочет остановить Гофмана, ей нужно не просто найти Комнату. Ей нужно научиться её контролировать. А для этого нужно пройти обучение у того, кто уже это делал. У Кальпа. Через его дневники. Через «память дерева». Через всё, что он оставил после себя.

Вечером ей предстояло спуститься в подземелья под островом Канта. Эвальд обещал ждать её у входа. Но, прежде чем идти туда, Алиса должна была подготовиться к встрече с Архивариусом. В книге-кодексе упоминалось, что Архивариус - это программа, которая тестирует всех входящих, за-

давая три вопроса. Если ответы не удовлетворят её, входящий будет «растворён в виртуальном лабиринте». Что это значит, Алиса не знала, но проверять на себе не хотела.

Она изучила всё, что Кодекс говорил об Архивариусе. Программа была создана на основе фрагмента сознания самого Кальпа - того самого фрагмента, который он загрузил в янтарь перед смертью. Архивариус не был злым или добрым. Он был нейтральным. Он просто выполнял свою функцию - охранять архив от тех, кто мог бы использовать его во зло. И критерии «зла» были заложены в него самим Кальпом. Значит, чтобы пройти тест, Алисе нужно было мыслить как Кальп. Понимать его логику. Его этику. Его страхи.

Она провела остаток дня, перечитывая дневник деда и книгу-кодекс, пытаясь реконструировать образ мыслей Кальпа. Он был учёным, но также и алхимиком - человеком, для которого наука и мистика были неразрывно связаны. Он верил в Бога, но не в церковного, а в того, которого можно найти в законах природы. Он считал, что знание - это не привилегия, а ответственность. И он был готов уничтожить дело всей своей жизни, если это знание попадало не в те руки.

Алиса думала о том, что сказала бы Архивариусу, если бы он спросил её о цели. Она хотела бы ответить честно: «Я хочу защитить Комнату от тех, кто использует её во зло». Но будет ли этого достаточно? Не потребует ли Архивариус более конкретного ответа? Не спросит ли он, готова ли она пожертвовать собой? В главе «О жертве» говорилось, что опе-

ратор Комнаты должен отдать часть себя. Алиса ещё не знала, готова ли она к этому. Но она знала, что, когда придёт время, она сделает выбор. И этот выбор будет правильным.

Перед встречей с Эвальдом Алиса решила прогуляться по городу, чтобы проветрить голову и собраться с мыслями. Она шла по улицам, уже знакомым и почти родным, и думала о том, как изменилась её жизнь за последние несколько дней. Из успешного нейросетевого архитектора она превратилась в беглянку, за которой охотится могущественная корпорация. Из скептика, не верившего ни во что, кроме кода, - в человека, который пережил видения прошлого и общается с древним разумом. Из одиночки, избегавшей любых привязанностей, - в наследницу миссии, от которой зависит судьба реальности.

Она остановилась у Кафедрального собора, того самого, где прошлой ночью нашла тайник Канта. Собор был открыт, и внутри снова звучал орган. Алиса вошла и села на скамью в дальнем углу, слушая музыку. Орган играл Баха - «Токкату и фугу ре минор», - и мощные аккорды наполняли пространство, заставляя вибрировать каменные стены. Алиса закрыла глаза и позволила музыке захватить её. На несколько минут она забыла об ожогах, о погоне, о Гофмане, о предстоящем испытании. Была только музыка - и тишина, которая наступала между аккордами.

Когда орган замолк, она открыла глаза и увидела, что рядом с ней на скамье сидит человек. Тот самый человек в се-

ром пальто, которого она встречала у руин замка Лохштедт. Соколов. Он смотрел на неё и молчал, и в его глазах была всё та же смесь мудрости и боли.

- Вы следите за мной? - спросила Алиса, не удивившись.

- Я везде, где есть янтарь, - ответил Соколов. - А янтарь есть везде. - Он помолчал. - Вы готовитесь к спуску. Это хорошо. Но помните: Архивариус не прощает лжи. Говорите только правду. Даже если она вам самим не нравится. Даже если она кажется вам недостойной. Только правда откроет вам дверь.

- Откуда вы знаете об Архивариусе?

- Я проходил этот тест. Пятьдесят шесть лет назад. Я ответил на все три вопроса. И с тех пор не сплю. - Он встал. - Я буду ждать вас на той стороне. Если вы пройдёте.

И он ушёл, растворился в толпе туристов, входящих в собор. Алиса смотрела ему вслед и думала о том, что этот странный человек знает о ней больше, чем она сама. И что его предупреждение, возможно, только что спасло ей жизнь.

В восемнадцать ноль-ноль, как и было условлено, Алиса стояла у входа в Музей янтаря. Эвальд уже ждал её. Он был одет в тот же безупречный костюм, что и вчера, и держал в руке небольшой саквояж, в котором, как предположила Алиса, находилось оборудование для спуска.

- Вы готовы? - спросил он.

- Готова, - ответила Алиса.

- Хорошо. Тогда следуйте за мной. И помните: в подземе-

льях не действуют обычные законы физики. Там царит Архивариус. Он может принимать любые формы. Может говорить любыми голосами. Но если вы будете помнить, кто вы и зачем пришли, - вы пройдёте.

Он повернулся и пошёл по направлению к острову Канта. Алиса последовала за ним. Солнце садилось в море, окрашивая небо в оранжевые тона. Город затихал. Где-то в глубине земли, под толщей глины и спрессованного песка, ждал Архивариус. Ждал её.

По пути к острову Канта Эвальд рассказывал Алисе историю Круга Альбертины. Он говорил, и его голос звучал мерно, как течение реки. Круг был основан в 1804 году, сразу после смерти Канта, группой его учеников, которые знали тайну янтаря. Их целью было сохранить знание и не дать ему попасть в руки тех, кто использовал бы его во зло. Первые сто лет Круг успешно справлялся со своей задачей, но в начале XX века произошёл раскол. Часть членов Круга, возглавляемая Кальпом, хотела уничтожить Комнату. Другая часть, возглавляемая неким Г., хотела использовать её для управления историей. Кальп победил - Комната была разобрана и спрятана. Но Г. не сдался. Он продолжил свои эксперименты и, по слухам, дожил до 1930-х годов, сотрудничая с нацистами.

- Тот самый Г., - сказал Эвальд, - чьи инициалы вы встречали в дневниках деда. Это был Генрих фон Шлибен, прусский аристократ, чей род восходил к тевтонским рыцарям.

Он был гением, но его гений был отравлен идеей превосходства. Он считал, что Комната должна принадлежать избранным - арийской расе, как он её понимал. Кальп остановил его в 1904 году, но не уничтожил. Фон Шлибен бежал в Аргентину, а затем вернулся в Германию в 1920-х. Он работал с Аненербе, искал янтарные артефакты по всей Европе. И, возможно, именно он нашёл что-то, что до сих пор не найдено.

- Что именно? - спросила Алиса.

- «Синий янтарь». Тот самый, о котором вам рассказывал старый мастер на комбинате. Глыба, извлечённая в 1973 году, была лишь осколком. Основное месторождение синего янтаря, согласно легендам, находится на дне Балтийского моря. Там, где когда-то, миллионы лет назад, стоял лес. Фон Шлибен знал об этом. Он снарядил экспедицию, но не успел - началась война. Однако его записи сохранились. И они могут быть у Гофмана.

Алиса слушала, и в её голове складывалась картина - сложная, многомерная, как кристаллическая решётка янтаря. Фон Шлибен. Аненербе. Синий янтарь. Гофман. Все они были звеньями одной цепи, тянувшейся от алхимиков XIX века к современным технократам. И она, Алиса, была последним звеном - тем, кто должен был разорвать эту цепь.

Они подошли к Кафедральному собору, когда солнце уже село. Эвальд подвёл Алису к неприметному люку за апсидой, скрытому кустами сирени. Люк был старым, чугунным,

с полустёртой надписью по-немецки: «Zugang zum Archiv. Betreten verboten» - «Вход в архив. Вход воспрещён». Эвальд достал из саквояжа ключ - такой же цилиндр, как тот, что дал Алисе, - и вставил в скважину. Замок открылся с тихим, мелодичным звоном, словно где-то в глубине земли ударили в колокол.

- Дальше вы пойдёте одна, - сказал Эвальд. - Я слишком стар для этого путешествия. Но я буду ждать вас здесь. Если вы не вернётесь до рассвета, я буду знать, что вы не прошли. - Он помолчал. - Ваш дед верил в вас. Я тоже верю. Не подведите нас.

Алиса кивнула, не в силах говорить. Затем она открыла люк и начала спускаться по узкой, крутой лестнице, уходящей в темноту. С каждым шагом воздух становился холоднее и плотнее. Где-то внизу, в толще земли, её ждал Архивариус.

Лестница была бесконечной. Алиса считала ступени - сто, двести, триста - и сбилась на четвёртой сотне. Ей казалось, что она спускается уже несколько часов, хотя часы на руке показывали, что прошло лишь двадцать минут. Стены шахты были сложены из старого кирпича, покрытого плесенью и светящимся мхом. Тот самый мох, о котором упоминал Эвальд: биолюминесцентные колонии, питающиеся энергией распада древних книг. Его бледно-зелёное свечение было единственным источником света.

Наконец лестница кончилась, и Алиса оказалась в небольшой, сводчатой комнате, из которой в разные стороны вели

три коридора. Над каждым коридором была надпись. Слева: «Прошлое». Справа: «Будущее». Прямо: «Настоящее». Алиса вспомнила слова Соколова: «Архивариус не прощает лжи. Говорите только правду». Она понимала, что это первое испытание. Нужно было выбрать правильный коридор. Но какой из них правильный?

Она задумалась. Если Архивариус - это фрагмент сознания Кальпа, значит, он мыслит как Кальп. А Кальп, судя по его дневникам, считал, что истина находится в настоящем. Прошлое - это только память. Будущее - только вероятность. И только настоящее - реальность. Она выбрала центральный коридор и пошла вперёд.

Коридор привёл её в круглый зал, залитый всё тем же бледно-зелёным светом. В центре зала, на постаменте, лежала книга - огромная, в кожаном переплёте, с янтарными пластинами вместо страниц. Кодекс Альбертины. Оригинал. Тот самый, копию которого Эвальд передал ей через курьера.

И когда Алиса подошла к книге, из неё поднялась фигура - сотканная из света и тени, с лицом, которое она уже видела в видении. Архивариус. Он смотрел на неё и молчал, ожидая первого вопроса.

Глава 7: Шепот Пруссии

Алиса выбралась из подземелья через тот же люк за апсидой Кафедрального собора, когда небо на востоке уже нача-

ло сереть. Эвальд ждал её, сидя на скамье под старой липой, и, увидев её лицо, всё понял без слов. Она прошла. Архивариус пропустил её, задав три вопроса - те самые, о которых предупреждал Соколов. Вопросы были не о технологии, не о янтаре, не о Комнате. Они были о ней самой: о её страхах, о её желаниях, о том, что она готова отдать ради спасения других. И она ответила правду - ту самую, которую боялась признать даже перед собой. Архивариус выслушал и отступил, открыв ей доступ к центральному залу Архива, где хранились дневники Кальпа и янтарные пластины с записями. Но читать их сейчас не было времени. Она вернётся сюда позже. А пока - у неё было другое дело.

- Вы нашли то, что искали? - спросил Эвальд, помогая ей закрыть тяжёлый чугунный люк.

- Я нашла вход, - ответила Алиса. - Но, чтобы понять, что внутри, мне нужно время. Которого у меня нет. - Она посмотрела на Эвальда. - Мне нужна информация о раскопках Королевского замка. У вас есть там связи?

Эвальд кивнул, и в его разноцветных глазах мелькнул огонёк понимания.

- У меня везде есть связи, Алиса Викторовна. Я ждал этого вопроса. Ваш школьный друг, археолог Дмитрий Савельев, работает на раскопках уже второй год. Он найдёт для вас то, что вы ищете. Но будьте осторожны: Барон тоже знает о раскопках. Его люди следят за каждым, кто там работает.

Алиса кивнула. Она помнила Диму Савельева - невысо-

кого, вечно взъерошенного мальчика, с которым они вместе бегали по стройкам и заброшенным немецким домам. Они не виделись пятнадцать лет, но, если верить Эвальду, Дима до сих пор работал в Калининграде и мог ей помочь. Нужно было только найти его - и убедить, что она не сумасшедшая.

Королевский замок - или то, что от него осталось, - находился в самом центре Калининграда, на холме над Преголей. Когда-то это была величественная крепость тевтонских рыцарей, затем - резиденция прусских королей, затем - музей, разбомбленный в 1944 году и окончательно снесённый в 1968-м по решению советских властей. От замка остались лишь подвалы, частично сохранившиеся под толщей земли и асфальта. Теперь здесь велись раскопки - масштабные, спонсируемые, по слухам, самим «Балтийским ИИ». Алиса не сомневалась, что Гофман ищет здесь то же, что и она: следы Кальпа, фрагменты Янтарной комнаты, ключи к подземельям.

Она пришла на раскопки около полудня. Территория была огорожена строительным забором, за которым гудели экскаваторы, перекрикивались рабочие, стучали отбойные молотки. Алиса нашла проходную, предъявила охраннику старое удостоверение - то самое, что дал Эвальд, - и её пропустили, приняв за журналистку из местной газеты. Она прошла вдоль котлована, вглядываясь в лица рабочих, пока не увидела знакомую фигуру: коренастый мужчина в запылённой каске, склонившийся над какой-то находкой. Дима. Он по-

что не изменился - только поседел немного и оброс бородой.

- Дима! - окликнула она.

Он обернулся, и на его лице отразилась целая гамма чувств: удивление, радость, недоверие.

- Алиса? - Он снял каску и вытер пот со лба. - Ты? Здесь?

Какими судьбами?

- Долгая история, - ответила она. - Мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Они отошли в сторону, к бытовке, где Дима устроил что-то вроде полевого кабинета. На стенах висели карты, схемы, фотографии находок. На столе, среди прочего, лежала та самая керамическая капсула с залитыми смолой письменами, о которой упоминал план. Алиса сразу заметила её - слишком уж необычной она была для средневекового слоя.

- Это нашли вчера, - сказал Дима, перехватив её взгляд. - В подвалах Альтштадта, на глубине четырёх метров. Никто не может понять, что это. Письмена не поддаются расшифровке. Материал - керамика, но очень старая, возможно, римская. А внутри - смола. Янтарная смола, которой здесь, в Калининграде, полно. Но эта какая-то особенная. Светится в темноте.

Алиса взяла капсулу в руки. Она была тёплой. И символы на ней - те самые, из Кодекса Альбертины. Она уже видела их в книге, присланной Эвальдом, и знала, что они означают. Это был язык древнего леса - тот самый, на котором Мать-Смола говорила с первыми алхимиками.

- Ты можешь прочитать это? - спросил Дима, заметив её взгляд.

- Могу, - ответила Алиса. - Но тебе лучше не знать, что здесь написано. Это опасно.

Дима нахмурился, но не стал настаивать. Он знал Алису с детства и помнил, что она никогда не говорила лишнего.

- Ладно, - сказал он. - Не хочешь говорить - не надо. Но я рад тебя видеть. Правда рад. После того, что случилось с твоим дедом... - Он запнулся. - Я хотел прийти на похороны, но не знал, когда они будут. Мне жаль.

Алиса кивнула, не в силах говорить. Затем, собравшись с духом, спросила:

- Дима, ты веришь в то, что здесь, под землёй, есть что-то живое?

Дима посмотрел на неё долгим, изучающим взглядом.

- Я работаю на этих раскопках два года, - сказал он наконец. - И за это время я видел вещи, которые не могу объяснить. Инструменты, которые сами двигались. Голоса, которые слышали рабочие в подвалах. И однажды, ночью, я видел свет. Он шёл из-под земли, из того слоя, который мы ещё не вскрыли. Он был... золотым. Как янтарь.

Он замолчал, и в его глазах Алиса увидела страх. Не тот страх, который бывает от неожиданности, а глубинный, экзистенциальный ужас перед чем-то, что невозможно понять.

- Я верю, - сказал он. - Я верю, что здесь что-то есть. И я боюсь, что мы его разбудим.

Алиса попросила Диму оставить её на некоторое время одну с капсулой. Он согласился и вышел из бытовки, сказав, что будет поблизости, если понадобится. Алиса села за стол, достала книгу-кодекс и начала расшифровывать символы. Это был трудоёмкий процесс: каждый знак имел несколько значений в зависимости от контекста, и нужно было подобрать правильную комбинацию. Через час она получила первый связный фрагмент: «Тот, кто ищет Комнату, должен знать: она не камень. Она - дверь. И дверь эта открывается только кровью».

Кровь. Снова кровь. В главе «О жертве» из Кодекса говорилось, что оператор Комнаты должен отдать часть себя. Теперь, в этой капсуле, найденной в подвалах Королевского замка, повторялась та же мысль. Кровь - ключ. Её кровь. С её уникальной мутацией, позволявшей мозгу резонировать с янтарём. Алиса почувствовала, как холод пробегает по спине. Гофман знал это. Именно поэтому он искал её. Не просто как наследницу Штерна, а как биологический ключ к активации Комнаты.

Она продолжила расшифровку. Второй фрагмент гласил: «Ищи Алтарь там, где кончается подземная река. Там, где вода встречается с камнем, а камень - с огнём. Там, где время застыло в смоле». Подземная река. Алиса вспомнила схему из файла `spectrogram_final.dat` - ту самую карту подземных коммуникаций Калининграда. На ней была отмечена подземная река - одно из ответвлений Преголи, уходящее под

землю в районе Королевского замка и выходящее где-то у Приморского карьера. Алтарь, судя по всему, находился где-то на её пути. Возможно, под самим замком.

Третий фрагмент она расшифровать не успела: в бытовку вошёл Дима.

- Там что-то происходит, - сказал он. - В раскопе. Мы нашли ещё одну капсулу. Но она... не такая.

- Что значит «не такая»? - спросила Алиса, поднимаясь.

- Она открыта. И внутри неё - пустота. Но эта пустота... она дышит.

Они спустились в раскоп. Рабочие столпились вокруг находки - небольшой керамической сферы, расколотой пополам. Внутри неё действительно зияла пустота - но не обычная, а какая-то глубокая, засасывающая, словно миниатюрная чёрная дыра. Воздух вокруг капсулы колебался, как над раскалённым асфальтом. И был звук - низкий, вибрирующий гул, похожий на тот, что Алиса слышала возле «Мозга».

- Никто не подходит близко, - приказала она, сама удивляясь тому, как твёрдо прозвучал её голос. - Эта вещь опасна.

Рабочие попятились. Дима вопросительно посмотрел на неё, но промолчал. Алиса достала из рюкзака кусочек чёрного янтаря и медленно поднесла его к капсуле. Когда камень оказался в нескольких сантиметрах от пустоты, та внезапно схлопнулась, издав звук, похожий на вздох облегчения. Гул прекратился. Воздух перестал колебаться. Капсула стала

обычной разбитой сферой.

- Что это было? - прошептал Дима.

- Портал, - ответила Алиса, хотя сама не до конца понимала, права ли она. - Или что-то вроде того. Эта капсула - не просто контейнер. Это ловушка. Для тех, кто ищет Комнату без ключа.

Она посмотрела на чёрный янтарь в своей руке. Тот светился - не отражённым светом, а собственным, внутренним, словно в глубине камня зажглась свеча. Он поглотил энергию портала. Или нейтрализовал её. В любом случае, опасность миновала. Но Алиса понимала: это только начало.

Дима настоял на том, чтобы Алиса осталась на раскопках до вечера. Он хотел показать ей ещё кое-что - находку, которую он скрывал от начальства, опасаясь, что её изымут и отправят в Москву. Это была пластина из спрессованного янтаря, найденная в подвале замка полгода назад. На ней были выгравированы имена - десятки имён, - и среди них одно, которое Алиса узнала сразу. Теодор Кальп.

- Это список членов Круга Альбертины, - сказал Дима. - Я так думаю. Тех, кто основал общество после смерти Канта. Они поклялись хранить тайну янтаря. И, судя по тому, что мы нашли, некоторые из них заплатили за это жизнью.

Он показал ей ещё одну пластину - на этот раз с именами, перечёркнутыми крестами. Среди перечёркнутых имён было несколько знакомых: люди, чьи имена упоминались в дневнике деда как «погибшие при невыясненных обстоя-

тельстввах».

- Их убили, - сказала Алиса. - Те, кто хотел завладеть Комнатой. Возможно, люди фон Шлибена. Возможно, кто-то ещё.

- Ты знаешь, кто такой фон Шлибен? - удивился Дима.

- Знаю. И знаю, что его наследники до сих пор ищут Комнату. - Она посмотрела на Диму. - Ты должен быть осторожен. Если они узнают, что у тебя есть эти пластины, они придут за тобой.

- Они уже приходили, - тихо сказал Дима. - Неделю назад. Люди в чёрном. Сказали, что представляют частный музей в Берлине. Предлагали деньги за все находки, связанные с янтарём. Я отказал. Тогда они стали угрожать. Сказали, что я пожалею.

Алиса сжала его руку.

- Держись подальше от раскопок в ближайшие дни. Уезжай из города, если сможешь. Я разберусь с ними.

- Каким образом? - Дима горько усмехнулся. - Ты одна против целой корпорации?

- Я не одна, - ответила Алиса. - У меня есть союзники. И у меня есть то, чего нет у них. - Она достала кусочек чёрного янтаря, и тот снова вспыхнул внутренним светом. - У меня есть ключ.

Алиса осталась на раскопках до темноты. Дима ушёл домой, взяв с неё обещание, что она не будет рисковать понапрасну. Рабочие разошлись, экскаваторы затихли, и над

руинами Королевского замка повисла тишина - та особенная, глубокая тишина, какая бывает только на местах древних трагедий.

Она стояла на краю раскопа, глядя вниз, в темноту, где ещё недавно кипела работа. Лунный свет серебрил обломки кирпичей, осколки керамики, ржавые балки. Всё это - остатки замка, который когда-то был сердцем Кёнигсберга. Сердцем, которое перестало биться в 1944 году, когда английские бомбардировщики превратили город в руины. Но что-то осталось. Что-то, что не могли уничтожить ни бомбы, ни время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.